
THEORY OF MONEY AND CREDIT

Ludwig von Mises

Людвиг фон Мизес

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ И КРЕДИТА

• С О Ц И У М •

Людвиг Мизес

Теория денег и кредита

«Интермедиатор»

1912

УДК 336.74.01+336.77.01
ББК 65.011.312+65.262

Мизес Л. ф.

Теория денег и кредита / Л. ф. Мизес — «Интермедиатор», 1912

ISBN 978-5-91603-715-9

В настоящем томе собраны все посвященные теории денег работы Людвига фон Мизеса (1881–1973). В книге «Теория денег и фидуциарных средств обращения» (1912) автор, в частности, интегрировал теорию предельной полезности и теорию денег, решив фундаментальную экономико-теоретическую проблему, которая до него считалась неразрешимой. Это решение он положил в основание теории ценности денег, трактуемых как самостоятельный класс товаров (наряду с предметами потребления и товарами производственного назначения), опроверг концепцию нейтральности денег, разработал исчерпывающую типологию денежных средств обмена. Введенное Мизесом понятие фидуциарных средств обращения (специфическая разновидность денежных заместителей) позволило ему дать корректное экономико-теоретическое описание банковской деятельности и выдвинуть теорию экономического цикла. Особый интерес представляет анализ последствий инфляции — Мизес выявил ее роль в перераспределении богатства от одних экономических групп к другим, исследовал ее воздействие на отсроченные платежи и объяснил, как политика инфляции (прежде всего в форме кредитной экспансии) генерирует механизм чередование искусственных бумов и разрушительных кризисов (так называемый экономический цикл). В настоящий том включена глава трактата «Человеческая деятельность» (1949), в котором его теория денег Мизеса обрела свою завершенную форму («Косвенный обмен»). Здесь же публикуются и другие монографии и статьи, в которых автор исследует отдельные аспекты теории денег.

УДК 336.74.01+336.77.01

ББК 65.011.312+65.262

ISBN 978-5-91603-715-9

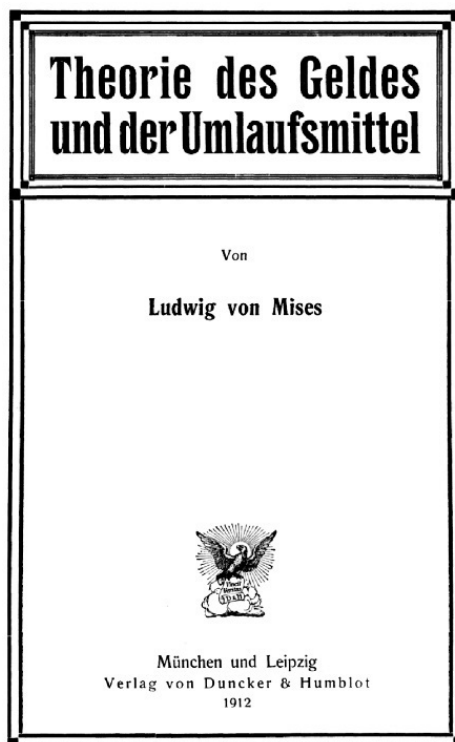
© Мизес Л. ф., 1912
© Интермедиатор, 1912

Содержание

Теория денег и фидуциарных средств обращения	7
Предисловие	8
Предисловие к новому изданию	11
Введение	12
Предисловие автора к английскому изданию	14
Предисловие автора ко второму немецкому изданию	20
Часть первая	22
Глава 1	22
Глава 2	29
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	60
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Людвиг фон Мизес

Теория денег и кредита

Обложка первого немецкого издания книги «Теория денег и фидуциарных средств обращения»

Перевод с английского и немецкого
Научное редактирование и комментарии Гр. Сапова

Электронное издание на основе печатного издания: Теория денег и кредита / Л. фон Мизес; пер. с англ. и нем. – 2-е изд. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 804 с. – ISBN 978-5-91603-124-9. – Текст: непосредственный.

© ООО «ИД «Социум», 2020

Теория денег и фидуциарных средств обращения

Перевод выполнен по изданию: *Mises L. von. The Theory of Money and Credit*. Indianapolis: Liberty Fund, 1980. Перевод с английского и научная редакция Гр. Сапова.

В квадратных скобках [...] – пояснения и примечания научного редактора. В фигурных скобках {шрифтом без засечек} приводятся фрагменты текста 1-го нем. издания (1912 г.), не вошедшие во 2-е нем. издание (1924 г.). (Сверка текстов 1-го и 2-го немецких изданий осуществлена зав. кафедрой немецкого языка Удмуртского государственного университета Г. А. Псаревой. Перевод с нем. Ю. Хулаповой и Ю. Цыбенковой под ред. Гр. Сапова.)

Предисловие

Книга Мизеса «Теория денег и фидуциарных средств обращения» представляет собой выдающееся достижение, ставшее значимым вкладом в экономическую мысль XX века. Эта книга стала кульминацией и завершением первого этапа развития австрийской экономической школы. Она также заложила основы новой самостоятельной теоретической традиции.

Австрийская школа явилась проблеском во мраке, в который в 1870—1880-е годы была погружена экономическая теория, поскольку помогла покончить с зашедшей в тупик классической, или рикардианской, системой. Это событие часто называют маржиналистской революцией, что совершенно неадекватно описывает новый образ экономического мышления. В основу новой австрийской парадигмы был положен взгляд на отдельного человека, *индивида*, и анализ его действий и актов выбора, ставших фундаментальными понятиями экономической теории. Классическая политэкономия рассуждала в терминах широких классов и, следовательно, не могла предложить удовлетворительного объяснения ценности, цены и доходов в рыночной экономике. Представители австрийской школы начинали анализ с действий индивида. Например, концепция экономической ценности сводилась к оценкам, которые выносили индивиды, осуществляющие выбор, а цены возникали в результате основанных на этих оценках рыночных взаимодействий.

Начало австрийской школы было положено Карлом Менгером, опубликовавшим в 1871 г. свои «Основания политической экономии» («*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*»)¹. Новую теорию в работах, написанных им начиная с 1880-х годов, особенно в нескольких изданиях многотомного сочинения «Капитал и процент»², развивал и систематизировал ученик и последователь Менгера Ойген фон Бём-Баверк. Основываясь на фундаментальном анализе акта присваивания ценности (*valuation*), действия и выбора, Менгер и Бём-Баверк объяснили все аспекты того, что сегодня называется микроэкономикой: полезность, цены, обмен, производство, ставки заработной платы, процент и капитал.

Людвиг фон Мизес, принадлежа к третьему поколению экономистов австрийской школы, был блестящим участником знаменитого семинара Бём-Баверка, который собирался в Венском университете в первое десятилетие XX в. В своей великой книге «Теория денег и фидуциарных средств обращения» Мизес применил метод австрийской школы для решения задачи, имевшей первостепенную важность для выживания теории – преодоления разрыва между общей («макро») теорией денег и общей («микро») теорией цен.

В то время денежная теория все еще оставалась скроенной по рикардианским лекалам. Если общая «микроэкономическая теория» основывалась на анализе действий индивидов и выводила рыночные явления из феноменов индивидуального выбора, то денежная теория оставалась еще «холистичной», оперируя агрегатами, далекими от реального выбора индивидов. Сфера «микро» и сфера «макро» были полностью отделены друг от друга. Если другие феномены экономики выводились из действий индивидов, то предложение денег считалось внешней

---

¹ Английский перевод «Основ» Менгера впервые увидел свет только в 1950 г. См.: *Menger, Carl. Principles of Economics*. New York: New York University Press, 1981. [Русский перевод был впервые опубликован в 1903 г.: *Менгер К. Основания политической экономии* / Пер. с нем. Г. Тикчина и И. Абегуза под ред. доцента Р. М. Орженцкого. Одесса, 1903. Впоследствии этот перевод был переиздан в сборниках: *Австрийская школа в политической экономии*: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992; *Менгер К. Избранные работы*. М.: ИД «Территория будущего», 2005. – *Науч. ред.*].

² Первый полный английский перевод с последнего немецкого издания опубликован в 1959 г.: *Böhm-Bawerk, Eugen von. Capital and Interest*. South Holland, Ill.: Libertarian Press, South Holland, Ill., 1959 (Vol. I: History and Critique of Interest Theories; Vol. II: Positive Theory of Capital; Vol. III: Further Essays on Capital and Interest. [Русские издания: *Бём-Баверк О. Капитал и процент*. Т. I: История и критика теорий процента // *Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале*. М.: Эксмо, 2009; *Бём-Баверк О. Капитал и процент* Т. 2–3; т. 1: Позитивная теория капитала; т. 2: Экскурсы. Челябинск: Социум, 2010.]

по отношению к рынку заданной величиной, механически взаимодействующей с абстракцией в виде «уровня цен». Сюда не проникал озарявший сферу «микро» свет, излучаемый анализом индивидуального выбора. Эти две сферы анализировались по отдельности, исходя из принципиально различных оснований. Автор этой книги совершил грандиозный научный подвиг, поставив денежную теорию на прочный фундамент общей экономической теории, отправляющейся от актов индивидуального выбора, что позволило ему интегрировать денежную и микроэкономическую теории.

Спустя два года после публикации «Теории денег и фидуциарных средств обращения» Ойген Бём-Баверк умер, и его ортодоксальные последователи, замкнувшиеся в рамках старой парадигмы, не признали прорыв в теории денег и экономического цикла, совершенный Мизесом. Поэтому Мизесу пришлось взять на себя трудное дело формирования собственной неавстрийской, или мизесианской, школы, дело, осложнявшееся тем, что в Венском университете он не занимал оплачиваемой академической позиции. Тем не менее его Privatseminar на протяжении всех 1920-х годов посещали многие блестящие ученики.

Однако в англоязычных странах признание идей Мизеса было затруднено тем простым, но немаловажным обстоятельством, что там большинство экономистов не владели никаким языком, кроме родного английского. Книга Мизеса была переведена только в 1934 г., так что его открытия оставались неизвестными в течение более чем двадцати лет. В конце 1920-х годов английский экономист сэр Деннис Робертсон разработал подход, основанный на анализе остатков наличности, но его теория была холистичной и оперировала агрегированными показателями, а не отталкивалась от индивидуальных действий. Теория паритета покупательной способности дошла до Англии и США в искаженной и ослабленной версии Густава Касселя. А незнание ординалистской теории предельной полезности Чугела – Мизеса привело к тому, что западные экономисты-теоретики, идя вслед за Хиксом и Алленом, в середине 1930-х годов выбросили из экономической теории предельную полезность, заменив ее ошибочным концептом «кривых безразличия», который сегодня является общепринятым элементом всех учебников микроэкономики.

Интеграция микро и макро, осуществленная Мизесом, разработанная им теория денег и его теорема регрессии, а также проделанное им тщательное исследование инфляции были полностью проигнорированы последующими поколениями экономистов. Сегодня идея объединения микро и макро далека от воплощения в практику экономической науки как никогда.

В англоговорящий мир проникла только разработанная Мизесом теория экономического цикла, но и это произошло скорее благодаря усилиям отдельных лиц, нежели в результате широкого прочтения трудов Мизеса ученым миром. В 1931 г. выдающийся последователь Мизеса Фридрих Хайек переехал в Англию, чтобы преподавать в Лондонской школе экономики. На базе прорывных идей Мизеса Хайек разработал систематическую теорию экономических циклов и ему быстро удалось привлечь на свою сторону лучших представителей молодого поколения английских экономистов. Лидер этой группы Лайонел Роббинс организовал перевод на английский язык «Теории денег и фидуциарных средств обращения». С начала 1930-х годов в течение нескольких славных лет влияние теории Хайека испытывали на себе такие молодые светила английской экономической науки, как Роббинс, Николас Калдор, Джон Хикс, Абба Лернер и Фредерик Бенхем. Одновременно в США начали переводить и публиковать оригинальные работы австрийских приверженцев мизесовской теории экономического цикла, прежде всего Фрица Махлупа и Готфрида Хаберлера. В США ведущим сторонником теории цикла Мизеса – Хайека стал молодой Элвин Хансен. Мизесова теория экономического цикла была принята в качестве неоспоримого объяснения Великой депрессии, которую Мизес предвосхитил в 1920-е годы. Но как раз в тот момент, когда эта теория начала распространяться в Англии и США, мир ученых экономистов потрясла кейнсианская революция, обратив в эту веру даже тех, кто вроде бы должен был понимать что к чему. Характерно, что это обраще-

ние произошло не в результате последовательного опровержения взглядов Мизеса или чьих-то других, – все альтернативные подходы попросту игнорировались, а экономический мир с тех пор пробавляется старыми инфляционистскими заблуждениями, переодетыми в новые одежды с помощью внешне эффектного нового жаргона. К концу 1930-х годов верность мизесовой теории экономического цикла сохранял только Хайек, – среди ее сторонников не осталось ни его учеников, ни учеников Мизеса. Судьба не отпустила английской версии «Теории денег и фидуциарных средств обращения» достаточно времени, чтобы быть прочитанной, – в результате кейнсианской революции уже в 1936 г. любые докейнсианские идеи, особенно касающиеся экономического цикла, стали психологически неприемлемыми для следующего поколения экономистов.

В англоязычное издание 1953 г. Мизес добавил четвертую часть. Нов тот момент безраздельного царствования кейнсианства мир экономической науки едва ли был готов вновь обратить внимание на идеи Мизеса. Однако в последнее время, особенно после смерти Мизеса в 1973 г., интерес к его экономико-теоретическим идеям необычайно возрос, и прежде всего в США. Проходят конференции и симпозиумы, публикуются книги и статьи, пишутся диссертации, посвященные австрийской экономической школе и в частности наследию Мизеса. На фоне полного фиаско кейнсианской системы, которая болтается между хронической и галопирующей инфляцией, с периодическими срывами в инфляционной рецессии, экономисты демонстрируют большую восприимчивость к Мизесовой теории цикла по сравнению с их отношением к ней в предыдущие четыре десятилетия. Будем надеяться, что новое издание побудит экономистов взглянуть свежим взглядом и на другие яркие идеи, содержащиеся в этом обойденном вниманием шедевре, а осуществленное Мизесом объединение теории денег и банковского дела с микроэкономикой послужит основой для дальнейшего развития денежной теории.

Мюррей Ротбард

Предисловие к новому изданию

С момента выхода первого немецкого издания этой книги прошло сорок лет. В течение этих четырех десятилетий мир пережил немало бедствий и катастроф. Меры экономической политики, вызвавшие эти прискорбные события, затронули также национальные валютные системы. Твердые деньги уступили место непрерывно обесценивающимся декретным деньгам. Сегодня все страны страдают от инфляции, которая грозит полностью разрушить их валюты.

Необходимо понимать, что нынешнее состояние мира и в частности сложившаяся ситуация в денежной сфере, представляют собой непреложные следствия проведения в жизнь доктрин, владеющих умами наших современников. Эпизоды великой инфляции нашей эпохи отнюдь не стихийные бедствия. Они дело рук человеческих, или, говоря прямо, – дело рук государства. Они – следствие теорий, приписывающих государству магическую силу создавать богатство из ничего и делать людей счастливее путем увеличения «национального дохода».

Одна из главных задач экономической науки состоит в развенчании инфляционистских заблуждений, которые со времен Джона Ло и до нашего современника лорда Кейнса сбивают с толку авторов и государственных деятелей. До тех пор пока басни о благодетельности денежного экспансионизма составляют неотъемлемую часть официальной доктрины и направляют экономическую политику, бессмысленно строить планы восстановления денежной системы и надеяться на выздоровление экономики.

На демагога вряд ли произведут какое-либо впечатление любые аргументы, выдвигаемые экономической теорией против инфляционистов и экспансионистов, – ведь его не волнуют отдаленные последствия проводимой им экономической политики. Он выбирает инфляцию и кредитную экспансию, прекрасно понимая, что вызываемый ими бум продлится недолго и неизбежно закончится спадом. Он может даже бравировать тем, что игнорирует долгосрочные последствия своей политики. В долгосрочном периоде, повторяет он, мы все мертвы; значение имеет лишь краткосрочный период.

Однако вопрос состоит в том, как долго длится этот краткосрочный период? Создается впечатление, что государственные деятели и политики сильно переоценивают длительность краткосрочного периода. Правильный диагноз нынешнего положения дел таков: мы уже пережили краткосрочный период и сейчас сталкиваемся с долгосрочными последствиями, которые политические партии отказывались принимать в расчет. События развиваются именно так, как прогнозировала здравая экономическая теория, которую неоинфляционистская школа третирует как «ортодоксальную».

В этой ситуации оптимист может питать надежду на то, что народы все же будут готовы усвоить то, что они беспечно игнорировали совсем недавно. Именно эти оптимистические ожидания побудили издателей вновь выпустить эту книгу, а автора – добавить к ней в качестве эпилога очерк о восстановлении денежной системы (часть IV).

Людвиг фон Мизес, Нью-Йорк, июнь 1952 г.

Введение

Из всех разделов экономической теории самую долгую историю имеет та ее часть, которая связана с проблематикой денег и кредита, имеющая также и самую обширную литературу. Элементарные истины количественной теории были открыты еще в те времена, когда о других экономических проблемах не задумывались вовсе. К середине XIX в., когда в общей теории ценности еще не была окончательно разработана удовлетворительная статическая система, авторы статей, посвященных деньгам и банковскому делу, уже решали проблемы экономической динамики, причем зачастую вполне успешно. Мы считаем, что сегодня, при всем разнообразии подходов, характерных для теории денег и кредита, в экономической теории не существует другого раздела, который мог бы оказать более эффективную практическую помощь государственным деятелям и деловым людям.

Верно, однако, и то, что мало где полученные результаты исследований и обобщения практики настолько мало систематизированы и соотнесены с основными категориями теоретической экономики. Счет специальным монографиям идет на сотни. Число статей превосходит способности любого человека все их просмотреть. По крайней мере в англоязычной литературе попытки такого синтеза настолько редки, что в ходе работы над «Трактатом о деньгах» Кейнс жаловался на отсутствие не только сложившейся традиции упорядочивания, но хотя бы одного-единственного примера систематического рассмотрения предмета, по масштабу и качеству сравнимого со стандартами обсуждения центральных проблем чистой теории равновесия.

В этих обстоятельствах можно надеяться, что издание этой книги удовлетворит реальные потребности англоязычных студентов и исследователей, поскольку сочинение венского профессора Людвиг фон Мизеса «*Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*», перевод которого вы держите в руках, восполняет именно этот пробел. В книге систематически рассмотрены главные положения теории денег и кредита и исследована их связь как с основным корпусом экономической теории, так и с актуальными проблемами современной экономической политики. Начав с канонического анализа природы и функций денег, автор с помощью ряда в высшей степени оригинальных ходов ведет читателя от теоретических проблем ценности денег в простых условиях наличия единственного вида денег и отсутствия банковской системы, через анализ феномена параллельных денег и иностранных валют, к всестороннему рассмотрению проблем современного банковского дела и влияния кредитной экспансии на капитальную структуру и стабильность конъюнктуры. На континенте эта книга давно считается стандартным учебником по теории денег и кредита. Надеюсь, что она займет аналогичное место в англоязычных странах. Мне известно немного работ, оставляющих более глубокое впечатление логического единства и мощи современного экономического анализа.

Однако было бы огромной ошибкой считать, что единственное или главное достоинство этой книги сводится к систематизации имеющихся знаний по данному предмету. Многие утверждения, впервые сформулированные в ней, стали настолько привычным содержанием современной теории денег, что английский читатель, впервые знакомящийся с этим сочинением спустя двадцать лет после выхода первого немецкого издания, может недооценить его оригинального вклада в науку – от которого ведут свою родословную многие из важнейших и актуальнейших современных дискуссий. Кто в 1912 г. слышал о вынужденных сбережениях, несоответствии равновесной и денежной ставок процента, о вызываемых нестабильностью кредита циклических колебаниях соотношения цен на производственные и потребительские благ? Все эти проблемы трактуются здесь не как второстепенные (подобный подход встречается в более ранней литературе), а как центральные элементы тщательно разработанной теоретической системы. И автор этой системы имеет полное право испытывать печальное удовле-

творение, наблюдая многочисленные подтверждения своей теории в последующих событиях, – вначале великую инфляцию в первые послевоенные годы, а позднее события, приведшие к нынешней депрессии. Не следует также пренебрегать вкладом автора в более абстрактные разделы теории ценности денег. Вместе с Маршаллом и еще одним-двумя авторами профессору Мизесу принадлежит честь соединения этой теории с общими категориями чистой теории ценности, а сделанный им акцент на связи неопределенности с размером остатков наличности и указание на зависимость определенных денежных явлений с ошибками в предвидении предвосхищают многие из наиболее плодотворных результатов, полученных в ходе самых недавних размышлений на эту тему. Несмотря на наблюдаемую в определенных кругах тенденцию возврата к более механистическим формам количественной теории, в частности, несмотря на попытки оперировать непрерывно множащимися чисто тавтологическими формулами, представляется несомненным, что дальнейший прогресс в объяснении наиболее трудных для понимания денежных явлений лежит на пути, указанном профессором Мизесом.

Настоящий перевод выполнен на основе второго немецкого издания, опубликованного в 1924 г. Некоторые фрагменты, не представляющие большого интереса для английского читателя, были опущены [они восстановлены и включены в русское издание. – *Науч. ред.*], а глава, посвященная полемике, имевшей чисто внутринемецкий характер, помещена в приложении. При этом комментарии автора по поводу экономической политики в главе 20 части III оставлены в том виде, как они представлены в издании 1924 г. Автор, который великодушно помогал советами на всех этапах перевода, написал специальное введение, в котором в общих чертах излагает свой взгляд на проблемы, появившиеся с тех пор. В приложении приводятся немецкие эквиваленты терминов, обозначающих разные виды денег, и обсуждаются детали перевода одного термина, для которого не существует точного английского эквивалента.

Лайонел Роббинс, Лондонская школа экономики, сентябрь 1934 г.

Предисловие автора к английскому изданию

Облик, в котором вопросы, связанные с кредитно-денежной политикой, предстают перед публикой, меняется с каждым месяцем и с каждым годом. Посреди этого потока событий остается неизменным тот теоретический аппарат, который позволяет разбираться с данными вопросами. Ценность экономической науки на самом деле состоит в том, что она позволяет нам устанавливать истинную значимость той или иной проблемы, отделяя ее от случайных деталей. Обычно для понимания немедленных последствий тех или иных мер глубокого знания экономической теории не требуется – ее задача состоит в том, чтобы указывать на их отдаленные последствия, тем самым помогая нам избегать таких действий, которые, будучи попытками излечить текущее заболевание, являются причинами развития в будущем еще более тяжелых недугов.

С момента публикации второго немецкого издания этой книги прошло десять лет. За это время внешний облик денежных и банковских проблем в мире полностью изменился. Но более внимательное исследование показывает, что сейчас, как и тогда, споры ведутся по тем же самым фундаментальным вопросам. Тогда Англия в очередной раз повышала золотую ценность фунта стерлингов до довоенного уровня, пренебрегая тем, что цены и ставки заработной платы адаптировались к более низкому значению и восстановление довоенного паритета фунта должно будет вызвать снижение цен. Последнее, в свою очередь, должно было поставить предпринимателя в сложное положение, увеличив диспропорцию между фактическими ставками заработной платы и ставками, которые установились бы на свободном рынке. Разумеется, при всех неизбежных изъянах этой меры, для восстановления старого паритета имелись определенные причины. Принимать такое решение следовало после тщательного взвешивания всех «за» и «против». Тот факт, что власти пошли на этот шаг, не предупредив публику о его неизбежных негативных последствиях, чрезвычайно усилил оппозицию золотому стандарту, хотя реальной причиной этих, вызвавших столько нареканий, явлений было не восстановление золотого стандарта как таковое, а исключительно тот факт, что правительство стабилизировало ценность фунта на более высоком уровне по сравнению с тем, который соответствовал текущему уровню цен и зарплат в Великобритании.

С 1926 по 1929 г. внимание всего мира было приковано к феномену американского процветания. Как и в период всех предыдущих бумов, вызванных расширением кредита, считалось, что процветание будет длиться вечно, а все предупреждения экономистов игнорировались начисто. Для экономистов разворот тенденции обратном направлении, случившийся в 1929 г., и последующий жестокий кризис не стали сюрпризом, они превидели эти события, даже если и не могли точно предсказать, когда именно они случатся³.

Необычным в нынешней ситуации является не то, что мы пережили период кредитной экспансии, сменившийся периодом депрессии, а способ, которым правительства отреагировали на эти обстоятельства. В разгар общего падения цен везде было сделано одно и то же: во-первых, были предприняты все мыслимые шаги к тому, чтобы не допустить падения денежных ставок заработной платы, и, во-вторых, государственные ресурсы были направлены, с одной стороны, на продолжение реализации проектов, которые в противном случае были бы прекращены, а с другой – на искусственное стимулирование экономики с помощью общественных работ. В результате те силы, силы, которые в ходе предыдущих депрессий в конце концов приводили цены и зарплаты в соответствие с новыми текущими условиями, позволяя выйти из

---

³ Это предвидение было характерно отнюдь не для всех экономистов. Такие признанные авторитеты, как И. Фишер, Дж. М. Кейнс и У. Митчелл, до последнего убеждали политиков и публику в том, что процветание непременно продолжится, потому что нет никаких *теоретических* (!) оснований ожидать обратного. Подробнее см. статью М. Скоузена «Кто предсказал крах 1929 г.» в: Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012. С. 337–378. – *Прим. науч. ред.*

тупика депрессии к восстановлению экономики, были нейтрализованы. Та неприятная истина, согласно которой стабилизация ставок заработной платы приведет лишь к увеличению безработицы и фиксации характерных для периода депрессии диспропорций между ценами и издержками и между выпуском и продажами, была проигнорирована.

На первый план вышли чисто политические соображения. Правительства боялись спровоцировать беспорядки среди широких масс наемных работников. Они не рискнули пойти против доктрины, считающей важнейшей целью экономики высокие ставки заработной платы, и полагающей, что вмешательство профсоюзов и государства способно удерживать зарплаты на высоком уровне даже в период снижения цен. Поэтому правительства сделали все возможное, чтобы уменьшить или полностью устранить давление новых условий на ставки заработной платы. С целью предотвратить рыночное предложение таких ставок заработной платы, которые были бы ниже требуемых профсоюзами, они ввели пособия по безработице для все увеличивающегося числа потерявших работу, а также помешали центральным банкам повысить процентную ставку и ограничить кредит, что позволило бы привести в действие свободные силы по выходу из кризиса, реализовав его функцию расчистки рынка от сделанных ошибок.

Европа и Америка неоднократно были свидетелями обращения правительств к выпуску неразменных бумажных банкнот с последующим снижением ценности денег, когда государство не считало себя достаточно сильным для того, чтобы мобилизовать средства, необходимые для покрытия государственных расходов путем налогообложения или государственных заимствований либо для их сокращения, чтобы обойтись имеющимся объемом государственных доходов. Но мотивы недавних экспериментов с обесценением денег не имели фискального характера. Правительства понижали золотое содержание денежной единицы в целях поддержания внутреннего уровня заработной платы и цен и для обеспечения преимуществ в международной торговле для отечественной промышленности по сравнению с ее конкурентами. Ни в Европе, ни в Америке запрос на такую политику не представляет собой ничего нового. Но во всех предыдущих случаях те, кто выдвигал подобные требования, не имели власти, чтобы добиться их выполнения. На этот раз, однако, Великобритания начала отказываться от старого золотого содержания фунта. Вместо того чтобы сохранить золотую ценность фунта, применив обычную и неизменно срабатывавшую меру – повышение банковской [процентной] ставки, правительство и парламент Британии при банковской ставке на уровне 4,5 % предпочли приостановить размен банкнот по старому узаконенному паритету, вызвав тем самым значительное падение ценности фунта стерлингов. Целью этой меры было предотвратить дальнейшее падение цен в Англии и, по-видимому, избежать прежде всего необходимости снижения ставок заработной платы.

Примеру Великобритании последовали другие страны, среди которых особое место занимали США. Желая предотвратить падение ставок заработной платы и восстановить уровень цен периода процветания 1926–1929 гг., президент Рузвельт понизил золотое содержание доллара.

В Центральной Европе первой страной, последовавшей примеру Великобритании, стала Чехословакия. В первые годы после войны правительство Чехословакии из соображений престижа необдуманно проводило политику, направленную на повышение ценности кроны, отказавшись от нее только после того, как стало очевидно, что рост ценности валюты мешает экспорту ее товаров, поощряет импорт иностранных товаров и серьезно подрывает платежеспособность предприятий, которые значительную часть оборотного капитала формируют за счет банковского кредита. Однако в первые недели текущего года золотой паритет кроны был понижен с целью облегчить жизнь предприятиям, обремененным долгами, предотвратить падение товарных цен и ставок заработной платы, а также стимулировать экспорт и ограничить импорт. Сегодня во всех странах мира нет более горячо обсуждаемого вопроса, чем вопрос о

том, что делать с покупательной способностью денежной единицы – поддерживать или понижать.

Согласно сложившемуся консенсусу, все что требуется, это понизить покупательную способность до ее предыдущего уровня или даже предотвратить ее рост сверх нынешнего уровня. Но если это действительно все что требуется, трудно понять, почему следует стремиться к уровню 1926–1929 гг., а не, скажем, 1913 г.

Если следует считать, что индексы могут служить инструментом для проведения обоснованной денежной политики, сделав ее независимой от меняющихся экономических программ правительств и политических партий, то позвольте мне сослаться на то, что я сказал в настоящей работе о невозможности выделения одного конкретного метода расчета индексов в качестве единственного научно правильного и соответственно делающего все остальные научно ошибочными. Существует много методов расчета индексов покупательной способности, и по отдельности каждый из них с определенной обоснованной точки зрения будет правильным; но со многих других, в равной степени логичных точек зрения, каждый из них будет ошибочным. Поскольку каждый метод дает результаты, отличающиеся от результатов, полученных всеми остальными методами, и поскольку каждый результат, если его положить в основу практических мер, будет выгоден одной части экономических агентов и невыгоден другой части, очевидно, что каждая группа будет выступать за те методы, которые лучше отвечают их интересам. В тот самый момент, когда манипулирование покупательной способностью будет объявлено легитимным объектом денежной политики, вопрос о том, на каком уровне следует зафиксировать покупательную способность, приобретет первостепенное политическое значение. При золотом стандарте определение ценности денег зависит от прибыльности добычи золота. Кому-то это может показаться недостатком, и безусловно это вносит в экономическую жизнь фактор непредсказуемости. Тем не менее это не означает, что цены товаров будут подвержены резким и внезапным изменениям, вызванным денежными факторами. Самые крупномасштабные колебания в ценности денег, свидетелем которого мир стал в течение последнего столетия, были вызваны не обстоятельствами золотодобычи, а политикой правительств и эмиссионных банков. Зависимость ценности денег от золотодобычи ни в коей мере не означает, что если такой зависимости не будет, ценность денег перестанет зависеть от превратностей текущей политики. Отделение валют от точно определенного и неизменного золотого паритета превращает ценность денег в игрушку в руках политиков. Сегодня мы наблюдаем, как за кулисами и внутренней, и международной политики соображения ценности денег доминируют над всеми прочими соображениями. Мы находимся совсем близко к такому положению дел, когда «экономическая политика» будет означать в первую очередь воздействие на покупательную способность денег. Следует ли сохранять текущее золотое содержание или нужно перейти к более низкому содержанию? Именно этот вопрос составляет главную проблему экономической политики всех стран Европы и Америки. Пожалуй, уже сейчас полным ходом идет гонка понижения золотого содержания денежных единиц с целью получения преходящих преимуществ (представления о которых к тому же формируются на основе самообмана) в торговой войне, которую страны цивилизованного мира вот уже несколько десятилетий ведут со всевозрастающей жестокостью и катастрофическими последствиями для благосостояния своих подданных.

Описывать нынешнее положение дел как освобождение от золота не вполне корректно. Ни одна из тех стран, которые «отказались от золотого стандарта» в течение последних нескольких лет, не оказала существенного влияния на роль золота как средства обмена ни внутри страны, ни в мире. То, что произошло, было отходом не от золота, а от старого узаконенного золотого паритета денежной единицы и в первую очередь явилось облегчением бремени должников в ущерб кредиторам, даже при том, что основной целью этих мер могла быть стабильность номинальных ставок заработной платы и иногда также и товарных цен.

Помимо стран, которые понизили золотую ценность своих валют по причинам, описанным выше, есть и другая группа стран, стран которые отказываются признавать обесценивание своих денег в золотом выражении в результате избыточного расширения внутреннего банкнотного обращения и официально сохраняют фикцию того, что их денежные единицы все еще обладают узаконенной золотой ценностью или по крайней мере золотой ценностью, превышающей реальный уровень. Для поддержания этой фикции они вводят меры валютного контроля, которые обычно требуют от экспортеров продавать иностранную валюту по курсу, соответствующему узаконенной золотой ценности, т. е. со значительными убытками. Едва ли нужно подробно объяснять, что это ведет к резкому сокращению количества иностранной валюты, продаваемой центральному банку. Вследствие этого в таких странах возникает «дефицит иностранной валюты» (*Devisennot*). По предписанной цене валюту купить становится невозможно, а к незаконному рынку, на котором иностранная валюта покупается и продается по надлежащей цене, центральный банк не имеет доступа, поскольку отказывается платить эту цену. «Дефицит иностранной валюты» становится предлогом для разговоров о затруднительности осуществления репарационных выплат и для запрета перевода в иностранные страны процентов по кредитам и платежей в счет погашения основного долга, что фактически парализует международный кредит. Поскольку по старым кредитам выплата процентов и погашение основного долга производятся нерегулярно или вовсе прекращаются, можно ожидать, что прекратятся и сколько-нибудь серьезные переговоры о новых международных кредитных сделках. Мы недалеко от ситуации, когда из-за постепенного признания принципа, согласно которому любое правительство имеет право запретить выплату долгов иностранным кредиторам по соображениям «валютной политики», трансграничное кредитование станет невозможным. Реальный смысл валютной политики такого рода исчерпывающим образом обсуждается в настоящей книге. Здесь же я лишь отмечу, что за последние три года эта политика нанесла большой вред международным экономическим отношениям, чем вред, причиненный протекционизмом за последние 50–60 лет, включая протекционистские меры периода мировой войны. Удушение международного кредита можно приостановить, только отказавшись от принципа, утверждающего, что под предлогом дефицита иностранной валюты любое государство по собственному усмотрению имеет право приостановить выплату процентов по внешним долгам и запретить своим подданным погашать проценты и основной долг. Добиться этого можно только одним способом – вывести международные кредитные сделки из юрисдикции отдельных стран, создав для них специальный международный кодекс, гарантируемый и проводимый в жизнь Лигой Наций. Пока не будут созданы такие условия, не стоит рассчитывать на оживление международного кредита. Поскольку в восстановлении международного кредита одинаково заинтересованы все страны, вероятно, можно надеяться, что усилия в этом направлении будут предприняты в течение ближайших нескольких лет, при условии что Европа не погрузится в пучину войны и революции. Но фундаментом будущих соглашений должна стать денежная система, основанная на золоте. Золото не является идеальной основой денежной системы. Как и все, созданное человеком, золотой стандарт не свободен от недостатков. Но в сложившихся обстоятельствах нет другого способа освободить денежную систему от переменчивого влияния партийной политики и вмешательства государства, ни в настоящем, ни в, насколько можно судить, будущем. И никакая денежная система, не свободная от подобных влияний, не может служить основой для международных кредитных сделок. Те кто обвиняет золотой стандарт во всех смертных грехах, не должны забывать, что в XIX в. именно золотой стандарт позволил цивилизации распространиться за пределы капиталистических стран Западной Европы, направив накопленное ими богатство на экономическое развитие остального мира. Сбережения горстки передовых капиталистических стран небольшой части Европы создали производительное оборудование всего мира. Если страны-должники отказываются платить по имеющимся долгам, они, безусловно, облегчают себе жизнь в данный момент. Но встает вопрос: не лишают ли

они себя перспектив в будущем? Соответственно, при обсуждении валютных проблем все разговоры о противоположности интересов стран-кредиторов и стран-должников, из которых первые хорошо обеспечены капиталом, а вторые – плохо, уводят в сторону. Удушение международного кредита смертельно опасно именно для бедных стран, зависящих от импорта иностранного капитала для развития своих производственных ресурсов.

Наблюдающийся сегодня сбой работы кредитно-денежной системы вызван *не* какими-то несовершенствами золотого стандарта (о чем никогда нелишне напомнить). Современную денежную систему чаще всего обвиняют в падении цен, происходившем последние пять лет, но в этом нет вины золотого стандарта, это неизбежное и неотвратимое следствие кредитной экспансии, которая в конечном счете всегда ведет к краху. А то, что рекомендуют в качестве лекарства, есть не что иное, как очередной раунд кредитной экспансии, который, безусловно, может вызвать преходящий бум, но в конце концов завершится жестоким кризисом.

Трудности кредитно-денежной системы составляют только часть огромных экономических проблем, досаждающих сегодня миру. Нарушена нормальная работа не только кредитно-денежного механизма, но и всей экономической системы в целом. Все последние годы во всех странах экономическая политика противоречила принципам, которые в XIX в. создали богатство народов. Международное разделение труда сегодня считается злом. Раздаются требования вернуться к автаркии Древнего мира. Любой импорт иностранных товаров считается бедствием, которое нужно предотвратить любой ценой. С поразительным энтузиазмом политические партии проповедуют нежелательность поддержания мира на планете, утверждая, что единственным средством прогресса является война. Они не ограничиваются описанием войны как разумной формы международных отношений, а рекомендуют использование вооруженной силы для подавления оппонентов при решении вопросов внутренней политики. В то время как либеральная экономическая политика всеми силами избегает создания препятствий для размещения производства в тех местах, где это обеспечивает наибольшую производительность труда, в наши дни учреждение предприятий там, где условия производства неблагоприятны, считается патриотическим поступком, заслуживающим поддержки государства. Требовать от кредитноденежной системы исправления последствий порочной экономической политики довольно несправедливо.

Все предложения, направленные на устранение последствий порочной экономической и финансовой политики просто путем реформирования денежной и банковской системы, исходят из фундаментально ошибочных представлений. Деньги всего лишь средство обмена, и они исчерпывающим образом выполняют свои функции, когда обмен товаров и услуг с их помощью происходит легче, чем это было бы возможно посредством бартера. Попытки провести экономические реформы со стороны денег ведут только к искусственному стимулированию экономической активности вследствие увеличения денежной массы, а это, как необходимо постоянно подчеркивать, в итоге неизбежно порождает кризис и депрессию. Повторяющиеся экономические кризисы представляют собой последствия попыток стимулировать экономическую активность с помощью дополнительного кредита, невзирая на все уроки опыта и предупреждения экономистов.

Эту точку зрения иногда называют «ортодоксальной» на том основании, что она связана с классической политэкономией, составляющей неизменный предмет гордости Великобритании. Эту школу экономической мысли противопоставляют «современной» точке зрения, уходящей корнями в идеи меркантилистов XVI–XVII вв. Мне трудно понять, что постыдного содержится в ортодоксии. Важно не то, является доктрина ортодоксальной или она соответствует последней моде, а то, является ли она истинной или ложной. И хотя вывод, к которому я пришел в своем исследовании, – а именно то, что кредитная экспансия не является заменой капитала, – кому-то может прийти не по нраву, я не считаю, что против нее можно выдвинуть логическое опровержение.

Людвиг фон Мизес, Вена, июнь 1934 г.

Предисловие автора ко второму немецкому изданию

Когда двенадцать лет назад вышло первое издание этой книги, народы и их правительства только готовились к трагическим событиям Великой войны. Подготовка состояла не только в наполнении арсеналов современным оружием, но и в официальном провозглашении и неистовой пропаганде идеологии войны, важнейшим экономическим элементом которой был инфляционизм.

В первом издании проблема инфляционизма была исследована. Я пытался показать неадекватность соответствующих доктрин, а также указать на те изменения, которые угрожают нашей денежной системе в ближайшем будущем. Это вызвало резкие нападки со стороны тех, кто готовил почву для будущей денежной катастрофы. Некоторые из этих критиков вскоре обрели большое политическое влияние; они получили возможность реализовать свои доктрины на практике и поэкспериментировать с инфляционизмом в своих странах.

Распространенное утверждение о том фиаско, которое экономическая наука потерпела, столкнувшись с проблемами военного и послевоенного периодов, категорически неверно. Подобные утверждения показывают, что высказывающий их человек совершенно незнаком с литературой по экономической теории и путает ее с извлечениями из архивов, которые следует искать в работах представителей историко-эмпирическо-реалистической школы. Никто не понимает недостатки экономической теории лучше самих экономистов, и никто сильнее них не сожалеет о имеющихся в ней пробелах и ошибках. Но все теоретические наставления, которые нужны были политикам в течение последних десяти лет, можно было получить из существующей доктрины. Те, кто высмеивал и беспечно отвергал удостоверенные и признанные результаты научных трудов как «тощие абстракции», должны винить себя, а не экономическую науку.

Столь же трудно понять, как можно говорить о том, что опыт последних лет требует пересмотра экономической теории. Для того, кто знаком с историей денежного обращения, пережитые миром резкие и внезапные изменения ценности денег не представляют собой ничего нового; ни колебания ценности денег, ни их социальные последствия, ни реакция политиков на эти явления не стали новостью для экономистов. Конечно, эти явления стали новостью для многих этатистов, что, пожалуй, может служить лучшим доказательством того, что глубокое знание истории, которым вроде бы обладали эти господа, не было подлинным, а служило лишь прикрытием их меркантилистской пропаганды.

Тот факт, что настоящая работа, не претерпев изменений по сути, публикуется в значительно измененном виде по сравнению с первым изданием, вызвано не невозможностью объяснить новые факты с помощью старых доктрин. Безусловно, за двенадцать лет, прошедших с момента выхода первого издания, экономическая наука продвинулась далеко вперед. И мои собственные исследования проблем каталлактики во многих аспектах привели меня к выводам, отличающимся от тех, которые содержались в первом издании. Мое отношение к теории процента сегодня иное, чем в 1911 г., и хотя при подготовке настоящего издания, так же как и при подготовке первого издания, я был вынужден отложить рассмотрение проблемы процента (поскольку она лежит за пределами теории косвенного обмена), в некоторых местах книги возникла необходимость затронуть соответствующие вопросы. Кроме того, в одном отношении я изменил свое мнение относительно кризисов: я пришел к заключению, согласно которому теория, которую я выдвинул в развитие и продолжение доктрин денежной школы, сама по себе является достаточным объяснением кризисов, а не просто дополнением для объяснения на основе теории прямого обмена, как я предполагал в первом издании.

Далее, я пришел к убеждению, что без разграничения статики и динамики невозможно обойтись даже при разработке теории денег. При написании первого издания я посчитал, что

должен обойтись без этого, во избежание возможного недопонимания со стороны немецкого читателя. Дело в том, что незадолго до этого, в статье, опубликованной в авторитетном сборнике, Альтман использовал понятия «статики» и «динамики» применительно к денежной теории в смысле, отличном от терминологии современной американской школы⁴. За прошедшие годы важность разграничения между статикой и динамикой в современной теории, стала, скорее всего, известна всем, кто следил за развитием экономической науки, пусть даже и не очень внимательно. Сегодня можно спокойно использовать эти термины, не опасаясь того, что их спутают с терминологией Альтмана. Я частично переработал главу, посвященную социальным последствиям колебаний ценности денег, чтобы сделать аргументацию более ясной. В первом издании глава о денежной политике содержала пространную историческую часть, однако опыт последних лет служит настолько хорошей иллюстрацией для фундаментальных аргументов, что соответствующие фрагменты можно безболезненно опустить.

Был добавлен параграф о текущих проблемах банковской политики, а также параграф, в котором вкратце исследуются денежная теория и денежная политика этатистов. Выполняя пожелания некоторых коллег, я также включил в книгу переработанную и расширенную версию короткой статьи, посвященной классификации денежных теорий, которая была опубликована несколько лет назад в 44-м томе журнала «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik».

В остальном в мои планы не входил критический анализ потока новых публикаций, посвященных проблемам денег и кредита. В науке, как писал Спиноза, «истина есть мерило и самой себя, и лжи»⁵. Книга содержит критические аргументы только там, где они необходимы для предъявления моих собственных взглядов и для объяснения и подготовки почвы для них. Отсутствие анализа новых публикаций тем легче обосновать, что эта критическая миссия прекрасно выполнена в двух замечательных сочинениях, опубликованных не так давно⁶.

Заключительная глава части III, трактующая проблемы кредитной политики, воспроизводится в том виде, как она выглядела в первом издании. Ее аргументы относятся к состоянию банковского дела, существовавшему в 1911 г., но значимость теоретических выводов сохранилась. Они дополнены упомянутым выше обсуждением проблем современной банковской политики, завершающим настоящее издание. Выбор конкретного решения из всех возможных в каждом частном случае зависит от взвешивания «за» и «против» и является функцией политики, а не экономической теории.

Людвиг фон Мизес, Вена, март 1924 г.

⁴ См.: *Altmann*. Zur deutschen Geldlehre des 19. Jahrhunderts // Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrhundert, Schmoller Festschrift. Leipzig, 1908.

⁵ Спиноза Б. Этика. СПб.: Аста пресс ltd., 1993. С. 74. – Прим. науч. ред.

⁶ См.: *Döring*. Die Geldtheorien seit Knapp. 1. Aufl. Greifswald, 1921; 2. Aufl. Greifswald, 1922; *Palyi*. Der Streit um die Staatliche Theorie des Geldes. München und Leipzig, 1922) (также в: Schmoller's Jahrbuch. 45. Jahrgang). См. также проницательное исследование: *Verrijn Stuart G. M.* Inleiding tot de Leer der Waardevastheid van het Geld. 's-Gravenhage, 1919.

Часть первая

Природа денег

Глава 1

Функции денег

1. Общие экономические условия использования денег

Там, где неизвестен обмен товарами и услугами, деньги не нужны. Если состояние общества таково, что разделение труда остается чисто семейным явлением, а производство и потребление сосредоточены в изолированных домашних хозяйствах, деньги так же бесполезны, как и для одного-единственного изолированного индивида. Но даже при экономическом строе, основанном на разделении труда, деньги не будут необходимы, если средства производства обобществлены, контроль за производством и распределением конечных благ находится в руках центрального органа, а частным лицам не разрешается обменивать предназначенные для них предметы потребления на предметы потребления, предназначенные для кого-то другого.

Феномен денег предполагает наличие такого экономического строя, при котором в основе процесса производства лежит разделение труда и существует частная собственность, причем не только на блага первых порядков (потребительские блага), но и на блага более высоких порядков (производственные блага). В таком обществе отсутствует систематический централизованный контроль над процессом производства, поскольку такой контроль непредставим, если не существует возможности распоряжаться средствами производства из единого центра. Производство ведется «анархически». Что именно должно быть произведено и как это следует производить, решается в первую очередь владельцами средств производства, которые, однако, производят блага не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для удовлетворения потребностей других людей. В своих оценках они принимают во внимание не только потребительную ценность, которую производимые ими продукты имеют для них самих, но и ту потребительную ценность, которую эти продукты имеют для других членов общества. Сбалансированность производства и потребления достигается на рынке, куда различные продукты выносятся для обмена на другие товары и услуги, совершаемого в ходе торговых сделок всех участников.

2. Происхождение денег

В зависимости от того, используется при этом средство обмена или нет, обмен является косвенным или прямым.

Предположим, A и B обмениваются между собой некими количествами товаров m и n . Участник обмена A приобретает товар n из-за той потребительной ценности, которую имеет для него эта вещь. То же верно и для участника B , который приобретает товар m для непосредственного использования. Перед нами случай прямого обмена.

Если на рынке имеется более двух лиц и более двух видов товаров, становится возможен косвенный обмен. Участник A может приобретать товар p не потому, что хочет потребить его, а для того, чтобы обменять его на другой товар, q , который он хотел бы потребить. Предположим, A приносит на рынок две единицы товара m , участник B — две единицы товара n , а

участник C — две единицы товара o . Пусть A хочет получить по одной единице товаров n и o , B — по одной единице товаров o и m , а C — по одной единице товаров m и n . Даже в этом случае прямой обмен возможен, если субъективные оценки этих товаров позволяют обменять каждую единицу m , n и o на каждую единицу любого другого из этих трех товаров. Однако когда это или сходное с этим условие не выполняется в точности и когда большее число участников всех рыночных сделок не позволяет легко обмениваться непосредственно, требуется косвенный обмен. Спрос на блага для непосредственного удовлетворения нужд дополняется спросом на блага, которые нужны для обмена на другие блага⁷.

Рассмотрим в качестве примера простой случай, при котором товар p нужен только тем участникам обмена, которые располагают товаром q , в то время как товар q не нужен участникам, обладающим товаром p . Но товар q нужен обладателям третьего товара, скажем, z . Причем этот товар z , в свою очередь, нужен только тем участникам обмена, которые обладают товаром p . В этой ситуации между указанными лицами невозможен никакой прямой обмен. Если каким-то обменам и суждено состояться, то эти обмены должны быть косвенными. Например, как в том случае, когда обладатели товара p обменивают его на товар q , чтобы затем обменять товар q на товар z , т. е. на то единственное, что они хотели бы иметь для своего собственного потребления. Похожая ситуация возникает, когда предложение и спрос не совпадают количественно, например когда некое неделимое благо должно быть обменено на различные блага, имеющиеся в распоряжении нескольких лиц.

По мере углубления разделения труда и усложнения потребностей косвенный обмен становится все более настоятельной необходимостью. На современной стадии экономического развития ситуации, когда прямой обмен одновременно и возможен, и осуществляется на практике, исключительно редки. Тем не менее даже сегодня такое иногда происходит. Рассмотрим, например, выдачу зарплаты товарами. Это будет прямым обменом, если, с одной стороны, наниматель использует труд для непосредственного удовлетворения своих собственных потребностей (а не должен обеспечивать их путем обмена на блага, за которые уплачена зарплата), и если, с другой стороны, работник непосредственно потребляет товары, полученные им в качестве зарплаты, а не продает их. Такая оплата труда товарами все еще широко распространена в сельском хозяйстве, хотя и в этой отрасли ее значение непрерывно уменьшается по мере распространения капиталистических методов управления и развития разделения труда⁸.

Таким образом, наряду с рыночным спросом на блага для непосредственного потребления на рынке имеется спрос на блага, которые их покупатель хочет не потреблять, а иметь их в своем распоряжении для последующего обмена. Ясно, что не все блага являются объектами спроса такого рода. Очевидно, что индивид не имеет мотива для косвенного обмена, если он не ожидает, что это приблизит его к его конечной цели — приобретению благ для собственного использования. Сама по себе невозможность никакого иного обмена, кроме косвенного, еще не побуждает индивидов вступить в косвенный обмен, если они не извлекают из этого действия немедленных преимуществ. Если прямой обмен невозможен и если, с точки зрения индивида, косвенный обмен беспелен, не произойдет никакого обмена вообще. Индивиды прибегают к

⁷ См.: *Wicksell. Über Wert, Kapital und Rente*. Jena, 1893. S. 50 f. (*Wicksell. Value, Capital, and Rent*. London, 1933. P. 50 f.)

⁸ То, что косвенный обмен является необходимым условием для большинства случаев обмена, совершенно очевидно. Как и следовало ожидать, этот вывод был одним из самых ранних экономико-теоретических открытий. Мы находим его сформулированным в явном виде в знаменитом отрывке из Пандектов [Дигест], принадлежащих [римскому юристу] Павлу: «Но так как не всегда совпадало так, чтобы у тебя было то, что нужно мне, а я, в свою очередь, имел то, что хочешь получить ты...» (*Paulus, lib. 33 ad edictum l. l.; D. de contr. empt. 18, I, 1* (Дигесты, кн. 18, титул I «О заключении договора покупки...»), § 1. Павел в 33-й книге «Комментариев к Эдикту»). {Историкотеоретическое объяснение см. в: *Menger. Art. «Geld» // Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Aufl. Bd. IV. S. 63. Anm. 1.} Шумпетер, конечно, ошибается, считая, что для доказательства необходимости денег достаточно лишь предположить наличие косвенного обмена. См.: *Schumpeter. Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig, 1908. S. 273 ff. Об этом ср.: *Weiss. Die moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*. XIX. Bd. S. 518 ff.

косвенному обмену, только если они извлекают из этого какую-то пользу, иными словами, только если приобретаемые ими таким образом блага обладают большей обмениваемостью, чем те, с которыми они расстаются.

Далее, не все блага обладают одинаковой обмениваемостью. В то время как спрос на одни блага является лишь ограниченным и эпизодическим, спрос на другие блага является широким и постоянным. Соответственно, те, кто выносит на рынок блага первого типа, с целью обменять их на нужные им блага, как правило, имеют меньше перспектив достичь успеха, чем те, кто предлагает к обмену блага второго типа. Если тем не менее им удастся обменять свои относительно менее обмениваемые блага на более обмениваемые, они станут на шаг ближе к своей цели и могут надеяться достичь ее с большей уверенностью и более эффективным способом, чем в случае, если они ограничат себя только прямым обменом.

Таков способ, которым блага, первоначально обладавшие наибольшей обмениваемостью, стали общим средством обмена, т. е. теми благами, в которые стремились обратить свои товары продавцы всех других благ, и теми, которые каждый потенциальный покупатель первоначально уплачивал за любой другой приобретаемый товар. И как только эти товары, бывшие относительно более обмениваемыми, становились общим средством обмена, разрыв между степенью их обмениваемости и степенью обмениваемости других товаров увеличивался, что, в свою очередь, увеличивало и расширяло их применимость как средства обмена⁹.

Итак, требования рынка постепенно ведут к отбору определенных товаров на роль общих средств обмена. Первоначальная группа, из которой ведется такой отбор, весьма обширна и варьируется от страны к стране. Затем она все больше и больше сокращается. Там где прямой обмен делается невозможным, каждая из сторон сделки естественным образом стремится обменять свои товары на ходовые, причем не просто на товары с высокой обмениваемостью, а на *самые обмениваемые* товары. Среди этих последних он, опять-таки, естественным образом предпочтет тот товар, который является самым обмениваемым из всей этой группы самых обмениваемых товаров. Чем выше обмениваемость благ, приобретаемых в ходе косвенного обмена, тем выше шансы, что приобретающий их индивид окажется в состоянии достичь конечную цель без дополнительных хлопот. Таким образом, возникает неотвратимая тенденция, в ходе которой блага, использовавшиеся в качестве средства обмена и оказавшиеся менее обмениваемыми, отвергались одно за другим, пока не остался тот единственный товар, который стал универсально применяться как средство обмена, иными словами, как деньги.

Эта стадия развития, когда в качестве средства обмена используется одно-единственное экономическое благо, пока не является вполне достигнутой. В весьма далекие времена, в одних местах раньше, в других позже, развитие косвенного обмена привело к тому, что в качестве общепринятых средств обмена стали использоваться два драгоценных металла – золото и серебро. Но затем процесс постепенного сокращения группы товаров, используемых для этих целей, надолго прервался. В течение сотен или даже тысяч лет человечество колебалось, не решаясь сделать окончательный выбор между золотом и серебром. Главная причина этого примечательного явления коренится в природных свойствах этих двух металлов. Будучи весьма схожими в физическом и химическом отношении, они почти в одинаковой мере отвечают нуждам людей. Для изготовления украшений и ювелирных изделий один металл показал себя таким же удобным, как другой (лишь в самое последнее время были сделаны технологические открытия, которые существенно расширили диапазон применения этих металлов, что может привести к более резкой дифференциации полезностей золота и серебра). В изолированных

⁹ См.: *Menger*. Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischer Ökonomie insbesondere. Leipzig, 1883. S. 172 ff. (*Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // *Менгер К.* Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего», 2005. С. 410 сл.); *Menger*. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien, 1923. S. 247 ff. {В 1-м изд. вместо ссылки на 2-е изд. «Grundsätze» была ссылка на статью *Менгера* «Деньги»: *Menger*. Art. «Geld» // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. IV. Bd. S. 555 ff. }

сообществах использование того или иного металла в роли общего единого средства обмена устанавливалось в силу случая, но это единство, достигавшееся на короткое время, утрачивалось, как только экономическая изоляция сменялась участием данного сообщества в международной торговле.

Экономическая история представляет собой летопись постепенного расширения экономических сообществ за первоначальные пределы отдельных домашних хозяйств. Экономические сообщества начинают охватывать целые страны, а затем и весь мир. И всякий раз, когда объединяются два сообщества, проблема наличия двух средств обмена встает заново (кроме тех случаев, когда оба сообщества используют для этой цели один и тот же металл). Окончательный вердикт по поводу спора между золотом и серебром не может быть вынесен до тех пор, пока окончательно не сформируется единая зона мировой торговли. До тех пор сохраняется теоретическая возможность того, что какие-то страны с иными денежными системами присоединятся к этому процессу и модифицируют международный денежный порядок.

Разумеется, если бы два или более экономических блага характеризовались бы совершенно одинаковой степенью обмениваемости, так что ни одно из них не имело бы преимуществ перед другим, это ограничило бы тенденцию к образованию единой денежной системы. Мы не будем пытаться решать, какой из двух драгоценных металлов окажется более подходящим, – золото или серебро. Этот вопрос, по которому в течение десятилетий идет ожесточенная полемика, не очень важен для теории происхождения денег. Совершенно ясно, что даже если мотив, связанный с неодинаковой обмениваемостью благ, используемых как средства обмена, отсутствует, унификация денежного стандарта все равно представляется весьма желательной. Одновременное использование нескольких видов денег влечет за собой столько неудобств и так осложняет технику обращения, что в любом случае люди будут прилагать усилия к тому, чтобы унифицировать денежную систему.

Теория денег должна последовательно рассмотреть {все промежуточные стадии эволюции использования общего средства обмена} все, что вытекает из одновременного функционирования разных видов денег. Только в том случае, если ее выводы сохраняют свое значение вне зависимости от наличия или отсутствия разных видов денег, можно предполагать, что в качестве общего средства обмена используется одно-единственное благо. В противном случае необходимо принимать во внимание факт од-повременного использования разных средств обмена. Пренебречь этим означало бы уклониться от решения одной из самых трудных задач этой теории {и отказаться давать ответы на самые важные вопросы, связанные с необходимостью прояснения проблем, которые жизнь поставила перед экономической теорией, пытаясь под ее руководством продраяться через экономико-теоретические дебри}.

3. Вторичные функции денег

Простое утверждение, согласно которому деньги есть товар, экономическая функция которого состоит в упрощении взаимобмена товарами и услугами, не удовлетворяет тех авторов, кто заинтересован скорее в собирании научного материала, чем в увеличении научного знания. Многие исследователи воображают, что если за деньгами признается только функция средства обмена, то этим каким-то образом умаляется та необычайно важная роль, которую деньги играют в экономической жизни. Они считают, что не окажут феномену денег должного внимания, пока не перечислят десятки «функций» денег, как будто при экономическом порядке, основанном на обмене, может существовать функция более важная, чем служить его общепризнанным средством обмена.

Обзор работ по этой проблеме, приведенный Менгером в его книге, делает излишним дальнейшее обсуждение связи между вторичными функциями денег и их основной функ-

цией¹⁰. Тем не менее, учитывая некоторые тенденции последних лет в литературе по теории денег, стоит кратко остановиться на этих вторичных функциях (некоторые из которых многие авторы связывают с основной), с тем чтобы еще раз показать, что все они могут быть логически выведены из функционирования денег как общепризнанного средства обмена.

В первую очередь это относится к функции, которую деньги выполняют, *облегчая кредитные сделки*. Здесь проще всего показать, что данная функция есть часть функции средства обмена. Кредитная сделка, в сущности, есть не что иное, как обмен настоящего блага на благо будущее. Английские и американские авторы часто упоминают эту функцию денег, говоря, что деньги служат стандартом отложенного платежа¹¹. Но первоначально это выражение употреблялось не для подчеркивания некоторой отдельной, якобы отличной от стандартной функции денег, а для прояснения позиции в ходе дискуссии о влиянии изменения ценности денег на реальный объем денежных долгов. И это выражение прекрасно выполнило свою задачу. Необходимо только добавить, что такое его использование заставило многих авторов рассматривать проблемы, связанные с общеэкономическими последствиями изменения ценности денег, с узкой позиции модификации существующих отношений задолженности, упуская другие важные аспекты изменения ценности денег.

Способность (функция) денег *перемещать ценность во времени и пространстве* также может быть непосредственно выведена из их функции средства обмена. Менгер отмечал, что специфическая пригодность блага для хранения в качестве сокровища, или тесаврирования (*hoarding*), и связанная с ней высокая степень фактического использования для данной цели, были одной из наиболее значимых причин увеличения обмениваемости этого блага, т. е. их общественного признания как средства обмена¹². Как только использование какого-то экономического блага как средства обмена становится распространенной практикой, люди начинают накапливать это благо охотнее, чем другие блага. В действительности простое хранение денег на сегодняшней стадии экономического развития не является сколько-нибудь распространенной формой инвестиций, – его место заняло приобретение собственности, приносящей процент¹³. С другой стороны, и сегодня деньги функционируют как средство перемещения ценности в пространстве¹⁴. Европейский крестьянин, который эмигрирует в Америку и хочет обменять свою недвижимость на недвижимость в Америке, продает свое имущество за деньги (или за банкноты, обмениваемые на деньги), отправляется в Америку и покупает здесь участок земли, который станет основой его нового крестьянского хозяйства. Перед нами хрестоматийный пример обмена, осуществление которого упрощается использованием денег.

В последнее время особое внимание уделяется такой функции денег, как *общее средство платежа*. Косвенный обмен разделяет единую сделку на две отдельные составляющие, объединяемые только конечной целью сторон обмена – приобретением потребительских благ. Очевидно, что таким образом акты продажи и покупки становятся независимыми один от другого. Более того, если две стороны сделки купли-продажи осуществляют свою часть транзакции в разное время, т. е. если продавец исполнит свою роль раньше, чем покупатель (покупка в кредит), то исполнение сделки и исполнение продавцом своей части сделки (что не одно и

¹⁰ См.: Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien, 1923. S. 278 ff. {В 1-м изд. вместо ссылки на 2-е изд. «Grundsätze» была ссылка на статью «Деньги»: Menger. Art. «Geld» // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. IV. Bd. S. 598 ff.}

¹¹ См.: Nicholson. A Treatise on Money and Essays on Present Monetary Problems. Edinburgh, 1888. P. 21 ff.; Laughlin. The Principles of Money. London, 1903. P. 22 f.

¹² Ср.: Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien, 1923. S. 284 ff. {В 1-м изд. вместо ссылки на 2-е изд. «Grundsätze» была ссылка на статью «Деньги»: Menger. Art. «Geld» // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. IV. Bd. S. 591.}

¹³ Если не считать склонности к хранению золота, серебра и иностранных банкнот, спровоцированной инфляцией и способствующим ей законодательством.

¹⁴ В частности, Книс особо выделяет эту функцию денег – служить средством переноса ценности между разными точками пространства. См.: Knies. Geld und Kredit. I. Bd. 2. Aufl. Berlin, 1885. S. 233 ff.

то же) не имеют очевидной связи с исполнением покупателем своей части сделки. То же верно и для других типов кредитных сделок, особенно для самой важной из них – сделки денежного займа. Кажущееся отсутствие связи между двумя частями единой транзакции использовалось как основание для того, чтобы рассматривать их как самостоятельные акты. Говорят, что платеж, т. е. уплата долга, является самостоятельным юридическим действием, и на этом основании наделяют деньги функцией служить общим средством *платежа*. Очевидно, что перед нами некорректное построение. «Если принять во внимание функцию денег, состоящую в том, что это объект, упрощающий сделки с товаром и капиталом, функцию, предполагающую оплату по денежным ценам и погашение деньгами ссуд... то не будет ни необходимым, ни оправданным обсуждение никакого специального употребления денег, и даже такой их функции, как средство платежа»¹⁵.

Корень этой ошибки (а также многих других экономико-теоретических ошибок) лежит в некритическом принятии правовых концепций и юридической манеры исследования. С точки зрения права непогашенный долг может и должен рассматриваться изолированно и, насколько это возможно, без ссылок на происхождение обязательства его уплаты. Разумеется, и в праве, так же как и в экономической теории, деньги есть лишь общепризнанное средство обмена. Но главный, хотя и не единственный мотив для правового анализа денег, это решение проблемы платежа. Когда юрист задается вопросом «что такое деньги?», его целью является определить, каким образом может быть погашено денежное обязательство. Для юриста деньги представляют собой средство платежа. Экономист-теоретик, который сконцентрирован на совершенно другом аспекте денег как явления, не должен разделять эту точку зрения, если он не хочет с самого начала уменьшить шансы на то, чтобы внести свой вклад в развитие экономической теории.

{В связи с определением функции денег как всеобщего средства платежа называют обычно и функцию в качестве средства для односторонних и субсидиарных платежей. Тот факт, что в системе права деньги рассматриваются и как средство исполнения также и таких – выданных не деньгами – обязательств, погашение которых в виде передачи кредитору объектов, первоначально предусмотренных договором, по какой-либо причине невозможно, объясняется присущей деньгам рыночной обмениваемостью. Однако использование денег для осуществления односторонних платежей полностью опущено [нами] в силу того, что эта функция поглощается главной функцией денег – служить общим средством обмена. Поскольку так называемые односторонние передачи имущества, как добровольные, так и принудительные, облагаются налогом, их следует понимать как односторонние только в том смысле, что способность к пожертвованию материального блага не подразумевает никакого материального, или как минимум видимого в момент передачи, вознаграждения. Хотя теория эквивалентности, развиваемая в рамках науки о государственных финансах, трактуя налоги как платежи за встречный поток услуг, предоставляемый государством, что соответствует атомистическому учению XVIII в. о государстве и праве, не смогла установить истинную правовую основу налогообложения и, стало быть, сформулировала такой принцип определения размера налога, который не оказался ни справедливым, ни практичным, она все же содержит здравую мысль, согласно которой чисто юридически, а не в теоретико-экономическом смысле уплату индивидом налога можно трактовать как одностороннюю. Однако в какой малой степени при решении этого вопроса мы можем полагаться на понятийную систему права, лучше всего видно из того, что право нередко трактует обязательственные отношения, взаимно договорный характер которых не подлежит никакому сомнению, как одностороннее обязательственное отношение. Здесь можно вспомнить о концепции «стипуляции», имевшейся в римском праве, или о современ-

¹⁵ Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien, 1923. S. 282 f. {В 1-м изд. вместо ссылки на 2-е изд. «Grundsätze» была ссылка на статью «Деньги»: Menger. Art. «Geld» // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. IV. Bd. S. 579.}

ном выписывании векселя, которое зачастую само лежит в основе договоров купли-продажи, предполагающих отсрочку платежа. Не следует также считать возвратом к опровергнутой теории налогов утверждение о том, что финансово-правовые отношения между гражданином и государством могут трактоваться как меновые, где государство выступает как продавец, а гражданин как покупатель. Равным образом, и все другие случаи так называемой односторонней передачи имущества, оставаясь добровольными актами, могут пониматься как акты обмена. Возьмем в качестве примера дарение. Очевидно, что с точки зрения дарителя здесь также имеет место акт обмена, при котором посредством дара совершается исполнение желания, неважно, состоит оно в получении благодарности одариваемого, в завоевании его симпатии, в удовлетворении собственного тщеславия или всего лишь собственного стремления доставить радость другому человеку. Следовательно, и в рамках этого способа использования деньги являются общим средством обмена. }

Глава 2

Об измерении ценности

1. Неизмеримость субъективной потребительной ценности

Хотя о деньгах часто говорят как о мере ценности и цен, соответствующая этому концепция {, которую разделяют практически все экономисты-теоретики (исключение составляет один лишь Менгер)¹⁶} совершенно ошибочна. В рамках субъективистской теории вопрос об измерении ценности просто не может возникнуть. В старой политической экономии поиск принципа, лежащего в основании измерения ценности, был до некоторой степени оправдан. Поскольку, в соответствии с объективной теорией ценности, концепция объективности ценности товаров принимается как возможная и обмен трактуется как взаимная уступка эквивалентных благ, то отсюда с необходимостью следует вывод о том, согласно которому сделке должно предшествовать измерение количества ценности, содержащегося в каждом из обмениваемых объектов. Далее делается очевидный шаг к трактовке денег как меры ценности.

Но у современной теории ценности совершенно иная отправная точка. Она рассматривает ценность как значимость, которую отдельным единицам товара присваивает человек, желающий их потребить или как-то иначе распорядиться и выбирающий их из всего многообразия товаров, руководствуясь соображениями наилучшего использования. Каждая транзакция, происходящая в экономике, предполагает сопоставление ценностей. Но необходимость такого сопоставления, равно как и его возможность, проистекает исключительно из того факта, что соответствующее лицо должно делать выбор между несколькими благами. При этом совершенно неважно, осуществляется этот выбор между разными благами, находящимися в его распоряжении, или они находятся в распоряжении кого-то другого и должны быть обменены. В изолированном хозяйстве, подобном хозяйству Робинзона Крузо на необитаемом острове, нет ни покупок, ни продаж. Тем не менее и там обязательно имеют место изменения запасов благ высших или низших порядков, – это происходит всегда, когда нечто потребляется или производится. В основе этих изменений лежат субъективные оценки индивидом того, что является для него более ценным, – конечный результат или расходуемые в процессе его получения блага. Этот акт оценивания имеет фундаментальный характер, – он одинаково присущ и преобразованию труда и муки в хлеб, и получению хлеба на рынке в обмен на одежду. С точки зрения лица, осуществляющего оценивание, расчет оправданности затрат материальных ресурсов и труда при конкретном производственном акте полностью тождествен сопоставлению ценностей товара, отдаваемого в ходе обмена, и ценности приобретаемого товара, каковое сопоставление должно предшествовать каждой обменной сделке. Именно в этом смысле нужно понимать утверждение о том, что каждое действие в экономике может считаться разновидностью обмена¹⁷.

Упомянутый акт оценивания не предполагает никакого измерения {, хотя это ощущение можно сравнивать с другими ощущениями того же рода}. Верно, что каждый способен сказать, является определенное количество хлеба для него более ценным, чем определенное количество железа, или менее ценным, чем определенное количество мяса. Так же верно и то, что каждый в состоянии составить обширнейший перечень сравнительных ценностей, перечень,

¹⁶ {См.: *Menger*. Art. «Geld»// *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 3. Aufl. IV. Bd. S. 582 ff.}

¹⁷ См.: *Simmel*. *Philosophie des Geldes*. 2. Aufl. Leipzig, 1907. S. 35 (см.: *Зиммель*. *Философия денег* (Предисл., гл. 1) // *Теория общества*. Сборник / Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999); *Schumpeter*. *Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig, 1908. S. 50.

действительный только для определенного момента, поскольку само его наличие предполагает определенное сочетание желаний и благ. Если индивидуальные обстоятельства изменятся, изменится и шкала ценностей.

Но субъективное оценивание, являющееся центральным элементом всякой экономической деятельности, лишь упорядочивает блага в соответствии с их важностью, но не измеряет этой важности. Экономическая деятельность не имеет иного основания, кроме шкал ценностей, которые строит индивид. Обмен производится, когда две единицы каких-то благ по-разному расположены на шкалах ценностей двух разных лиц. На рынке обмены будут продолжаться до тех пор, пока для любых двух лиц сохраняется возможность взаимной уступки благ, в результате которой приобретаемые блага будут цениться выше отдаваемых. Если индивид хочет произвести обмен по экономическим основаниям, он принимает во внимание лишь сравнительную важность, которой он сам наделяет количества соответствующих благ. Такое оценивание относительной ценности никоим образом не подразумевает идеи измерения ее абсолютной величины. Это оценивание есть непосредственное субъективное суждение, которое не связано ни с каким опосредующим или вспомогательным процессом.

Эти соображения также дают ответ на ряд возражений против субъективистской теории ценности. На том основании, что психология не достигла успеха в измерении желаний (и не похоже, что достигнет), было бы опрометчиво заключить, что приписывание точных количественных соотношений субъективным факторам вообще невозможно. Обменные пропорции благ основаны на шкалах ценностей индивидов, заключающих рыночные сделки. Предположим, что *A* располагает тремя грушами, а *B* — двумя яблоками. Предположим, что *A* ценит обладание двумя яблоками выше, чем тремя грушами, в то время как *B* ценит обладание тремя грушами выше, чем двумя яблоками. На основе этих оценок может быть произведен обмен, при котором три груши будут отданы за два яблока. Ясно, что количественные параметры этого обмена в точности равны фактической обменной пропорции 2: 3, считая один фрукт за единицу. Но это никоим образом не предполагает, что *A* и *B* знают точно, *насколько* удовлетворение, которое сулит обладание получаемым количеством фруктов, превышает удовлетворение, связанное с обладанием тем количеством фруктов, которые надлежит отдать взамен.

Факт общего признания этого вывода, которым мы обязаны авторам современной теории ценности, в течение долгого времени затушевывался одним частным обстоятельством. Нередко случается, что те самые первопроходцы, которые, решительно отбросив устаревшие традиции и проторенные пути мысли, не побоялись проложить новые пути для себя и своих последователей, иногда уклоняются от выводов, которые являются результатом последовательного применения их собственных принципов. Если такое случается, то сделать эти выводы достается на долю тех, кто идет за первопроходцами. Обсуждаемая сейчас тема является хорошим примером. В отношении проблемы измерения ценности, как и в отношении ряда других проблем, тесно связанных с этой, основатели субъективистской теории ценности воздержались от последовательного применения принципиальных положений своей собственной теории. Это в особенности характерно для Бём-Баверка, и именно в его случае это особенно странно. Ведь его собственная аргументация, нашедшая воплощение в его концепции, предоставляла возможность альтернативного и, по нашему мнению, лучшего решения, если бы ее автор сформулировал в явной форме решающие выводы.

Бём-Баверк отмечает, что когда в реальной действительности мы стоим перед выбором между несколькими потребностями, которые не могут быть удовлетворены все одновременно (вследствие ограниченности наших средств), часто бывает так, что необходимо выбрать либо удовлетворение некоей очень значимой, но одной «крупной» потребности, либо удовлетворение большого количества однородных потребностей меньшей значимости. Никто не отрицает, что в этой ситуации мы в состоянии принимать рациональные решения. Но так же ясно и то, что, если на этом основании будут утверждать, что эффект от удовлетворения потребности

одного типа в каком бы то ни было смысле больше, чем эффект от удовлетворения потребности другого типа, то такое суждение будет неадекватным. Равным образом, неадекватным будет и суждение, согласно которому удовлетворение первого типа *значительно* превосходит удовлетворение второго типа. Но Бём-Баверк заключает на этом основании, что суждение, позволяющее сделать выбор, должно обязательно содержать определение того, сколько этих небольших удовлетворений должны перевешивать первое («крупное») удовлетворение. Иными словами, как пишет Бём-Баверк, для выбора необходимо знать, *во сколько раз* величина одного удовлетворения больше, чем величина другого¹⁸.

Заслуга обнаружения ошибки в обоих последних утверждениях принадлежит Чугелу¹⁹. Во-первых, высказывание «удовлетворение нескольких мелких потребностей перевешивает удовлетворение одной значительной» *не тождественно* утверждению о том, что одно удовлетворение во столько-то раз больше другого. Эти утверждения тождественны только в том случае, если удовлетворение, доставляемое в совокупности несколькими единицами блага, равно удовлетворению от одной единицы, умноженной на количество единиц. То, что это предположение не выполняется, следует из сформулированного Госсеном закона удовлетворения потребностей. Два утверждения, «я бы хотел, чтобы у меня было восемь слив вместо одного яблока» и «я бы предпочел обладать одним яблоком, чем семью сливами», ни в каком смысле не позволяют сделать тот вывод, который делает Бём-Баверк, когда утверждает, что из них следует, что удовлетворение, приносимое одним яблоком, превышает удовлетворение, приносимое одной сливой, более чем в семь раз, но менее, чем в восемь раз. Единственное верное заключение состоит в том, что удовлетворение от одного яблока больше, чем удовлетворение от семи слив, но меньше удовлетворения от восьми²⁰.

Это единственная интерпретация, которая согласуется с фундаментальным положением теории предельной полезности, разработанной в значительной мере самим Бём-Баверком. Согласно этому положению, полезность (а следовательно, субъективная потребительная ценность) единиц некоего блага убывает с ростом предложения этих единиц. Но принять это означает полностью отвергнуть саму идею об измерении субъективной потребительной ценности благ, которую невозможно измерить никаким способом.

¹⁸ См.: Böhm-Bawerk. Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1886. Neue Folge. 13. Bd. S. 48. (Бём-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ // Бём-Баверк. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009. С. 114.)

¹⁹ Франтишек Чугел (Frantisek Cuhel, 1862–1914) – чешский экономист, государственный служащий и общественный деятель. Получил юридическое образование в Венском и Пражском университетах (докторская степень, 1886). Работал в Пражской Торговой палате, пройдя путь от клерка до вице-секретаря (1894) и второго секретаря (1898) этого государственного учреждения. Вел общественную деятельность, отстаивая интересы малого бизнеса, принимал участие в учреждении имперского фонда поддержки предпринимательства. Вышел в отставку по болезни в 1903 г., в 1906 г. (по другим данным в 1907 г.) опубликовал свою единственную экономикотеоретическую работу «О теории потребностей» («Zur Lehre von den Bedürfnissen»), которую он считал введением в более обширное исследование. Проблемы, поднятые Чугелом в этой работе, относятся к четырем группам вопросов, бывших в то время предметом ожесточенной полемики: ординалистская концепция полезности, соотношение между экономической теорией и психологией, применимость математики в экономико-теоретических исследованиях и временное предпочтение. В 1908 г. он вернулся к работе, став служащим пражской компании пенсионного страхования. В Австро-Венгрии и Германии книга Чугела была замечена прежде всего в связи с критикой им кардиналистских элементов теории ценности Бём-Баверка. Англоязычные журналы поместили рецензии на книгу Чугела: Sanger C. P. Zur Lehre von den Bedürfnissen by Franz Cuhel // The Economic Journal. Vol. 18. No. 70. (June 1908.) P. 32; Mussey H. R. Zur Lehre von den Bedürfnissen by Franz Cuhel // Political Science Quarterly. Vol. 24. No. 2. (June 1909.) P. 323–325; Williams J. M. Outline of the Theory of Social Motives // The American Journal of Sociology. Vol. 15. No. 6. (May 1910.) P. 741–780; Clark Dickinson Z. The Relations of Recent Psychological Developments to Economic Theory // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 33. No. 3. (May 1919.) P. 377–421.

²⁰ См.: Cuhel. Zur Lehre von den Bedürfnissen. Innsbruck, 1906. S. 186 ff.; Weiss. Die moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Bd. 19. S. 532 ff. В последнем издании своего шедевра «Капитал и процент», переработанного им самим, Бём-Баверк старается ответить на критику Чугела, но безуспешно, – он не приводит ни одного нового соображения, которое могло бы помочь решению проблемы (см.: Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. 3. Aufl. Innsbruck, 1909–1912. II. Abt. S. 331 ff.; Exkurse. S. 280 ff. (Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 311 сн., 312 сн., 763 сл.)

Американский экономист Ирвинг Фишер попытался подойти к задаче измерения ценности с помощью математики²¹. Он преуспел в решении этой задачи не более, чем его предшественники, пытавшиеся решить ее другими методами. Как и они, Фишер не смог преодолеть трудностей, проистекающих из того факта, что предельная полезность уменьшается с увеличением предложения. Единственная польза от математического языка, на котором он излагает свои аргументы (и который все в большей степени расценивается как общепринятый метод экономикотеоретических исследований), состоит в том, что этот язык позволяет Фишеру в какой-то степени спрятать дефекты его хитроумных, но полностью искусственных построений.

Фишер начинает с предположения, согласно которому полезность некоего товара или услуги, хотя и зависит от предложения этих товаров или услуг, является независимой от предложения всех других благ. Он отдает себе отчет в том, что не сможет достичь своей цели (отыскать единицу измерения полезности), если не покажет вначале, как определяется соотношение между двумя данными предельными полезностями. К примеру, если индивид располагает 100 буханками хлеба в течение года, предельная полезность одной буханки для него будет больше, чем если бы у него было 150 буханок. Проблема состоит в определении количественного соотношения между этими двумя предельными полезностями. Фишер пытается решить эту задачу путем сопоставления их с третьей полезностью. Для этого он рассматривает случай, когда тот же индивид в течение года располагает также B галлонами масла. Он обозначает β прирост этого количества масла, причем полезность этого прироста равна полезности сотой буханки хлеба. Далее, когда рассматривается второй случай (в распоряжении индивида имеется не 100, а 150 буханок), предполагается, что предложение масла не изменилось – его у индивида все те же B галлонов. Полезность 150-й буханки равна, предположим, $\beta/2$. До этого момента нет никакой необходимости оспаривать построения Фишера, но тут он делает логический скачок, который позволяет ему избежать преодоления всех реальных трудностей проблемы. Вышеописанная ситуация означает, продолжает Фишер, как если бы речь шла о чем-то самоочевидном, что «таким образом, полезность 150-й буханки хлеба равна половине полезности 100-й буханки». Не приводя никаких объяснений, он продолжает спокойно анализировать проблему, решение которой (если приведенное выше предположение принимается как корректное) не представляет никаких трудностей, позволяя ему, в конце концов, дедуктивно вывести единицу полезности, так называемый ютиль (*util*, от англ. *utility*, полезность. – *Науч. ред.*). Кажется, Фишеру не приходит в голову, что вышеприведенной фразой он просто-напросто отбросил всю теорию предельной полезности, противопоставив себя всей современной экономической теории. Ведь его утверждение справедливо только в том случае, если полезность β в два раза больше, чем полезность $\beta/2$. Но если бы это действительно было так, то проблему определения соотношения между двумя предельными полезностями можно было бы решить гораздо проще, и длинные дедуктивные построения Фишера были бы не нужны. С той же степенью обоснованности, с какой он решил, что полезность β в 2 раза больше полезности $\beta/2$, он мог бы предположить, что полезность 150-й буханки составляет $2/3$ полезности 100-й.

Предложение в объеме B галлонов масла представляется Фишеру делимым на n маленьких порций размером в β , или $2n$ еще меньших порций по $\beta/2$ каждая. Фишер предполагает, что индивид, в распоряжении которого имеется предложение масла объемом B галлонов, считает ценность единицы блага x равной ценности β , а ценность единицы блага y равной $\beta/2$. Фишер делает следующее предположение, а именно что в обоих случаях оценивания, т. е. приравнивая ценность x ценности β , а ценность y ценности $\beta/2$, индивид располагает одним и тем же объемом предложения в B галлонов.

²¹ См.: Fisher. Mathematical Investigation in the Theory of Value and Prices // Transactions of the Connecticut Academy. New Haven, 1892. Vol. IX. P. 14 ff.

Очевидно, Фишер считает, что из этих допущений следует, что полезность β в два раза больше полезности $-\beta/2$. Ошибка в этом месте очевидна.

В первом случае индивид сталкивается с выбором между x (ценность 100-й буханки хлеба) и $\beta = 2\beta/2$. Он считает невозможным выбрать какой-то один из этих двух вариантов, т. е. он ценит их одинаково. Во втором случае он должен выбирать между y (ценность 150-й буханки хлеба) и $-\beta/2$.

И опять он находит обе эти альтернативы равноценными. Теперь возникает вопрос, каково соотношение между предельной полезностью β и $-\beta/2$? Мы можем определить его, только спросив себя, каково соотношение между предельной полезностью n -й части данного объема предложения и $2n$ -й частью этого же объема предложения, т. е. между $\beta/2$ и $\beta/2n$. Для этого представим, что общий объем предложения B разделен на $2n$ порций по $-\beta/2n$. Тогда предельная полезность $(2n - 1)$ -й порции больше, чем $2n$ -й порции. Если теперь мы представим объем предложения B разделенным на n порций, то отсюда с очевидностью следует, что предельная полезность n -й порции равна предельной полезности $(2n - 1)$ -й порции плюс предельная полезность $2n$ -й порции из предыдущего случая. Она больше $2n$ -й порции не в два, а более чем в два раза. В действительности, даже при неизменном предложении, предельная полезность нескольких единиц, взятых в совокупности, не равна предельной полезности одной единицы, умноженной на число единиц, но с необходимостью больше, чем эта последняя. Полезность двух единиц блага больше, чем одной, но отнюдь не в 2 раза²².

Возможно, Фишер полагает, что приведенные выше соображения могут быть отвергнуты на том основании, что β и $\beta/2$ представляют собой настолько малые количества блага, что их полезность может считаться бесконечно малой. Если он действительно так считает, то на это можно сразу возразить, что особенности математической концепции бесконечно малых величин делают ее непригодной для решения экономико-теоретических проблем. Полезность, доставляемая данным количеством благ, либо достаточно велика для того, чтобы быть оцененной, либо настолько мала, что остается неощутимой для лица, производящего оценку, и поэтому не влияет на его суждение. Но даже если бы концепция бесконечно малых величин была применима, указанный аргумент оставался бы некорректным, — очевидно невозможно определить соотношение между двумя конечными предельными полезностями посредством приравнивания их к двум бесконечно малым предельным полезностям.

В заключение прокомментируем в нескольких предложениях попытку Шумпетера обнаружить единицу удовлетворенности, связанную с потреблением данного количества блага, и выразить удовлетворенность от потребления других благ путем умножения на эту единицу. Ценностное суждение, основанное на этом принципе, должно, согласно Шумпетеру, выражаться следующим образом: «удовлетворение, которое я могу получить от потребления определенного количества благ в тысячу раз больше, чем удовлетворение от потребления одного яблока в день» или «за это количество блага я бы отдал максимум *тысячу раз данное яблоко*»²³. Существует ли в реальности хоть кто-нибудь, кто способен возводить в своем сознании подобные конструкции? Существует ли хоть какой-то вид экономической деятельности, который на самом деле зависит от принятия такого рода решений? Очевидно, что нет²⁴. Шумпетер совершает ту же ошибку, начиная с предположения о необходимости измерять ценность для того, чтобы суметь сравнить одно «количество ценности» с другим «количеством ценности». Но оценивание никоим образом не предполагает измерения «количества ценности». Оно состоит только в сопоставлении значимости различных потребностей. Фраза «благо a стоит для меня

²² См. также: Weiss. Die moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Bd. 19. S. 538.

²³ Ср.: Schumpeter. Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908. S. 290.

²⁴ Ср. также: Weiss. Die moderne Tendenz in der Lehre vom Geldwert // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Bd. 19. S. 534 ff.

больше, чем благо *b*» требует измерения экономической ценности не в большей мере, чем утверждение «Индивид *A* мне более дорог, чем индивид *B*, т. е. я ценю его выше» требует существования неких единиц измерения дружбы.

2. Совокупная ценность

Если измерение субъективной потребительной ценности невозможно, то отсюда немедленно следует бессмысленность присвоения ей атрибута «количество». Мы можем сказать, что ценность этого блага больше, чем ценность того, но логически невозможно заявить, что ценность этого блага *велика настолько*. Такое высказывание предполагает существование определенной единицы измерения. Оно сводится к указанию того, сколько раз эта самая единица измерения содержится в измеряемом количестве. Но этот вид расчета совершенно неприменим к процессу оценивания²⁵.

Последовательное применение этих принципов также ведет нас к необходимости критически взглянуть на концепцию совокупной ценности запаса благ Шумпетера. Согласно Визеру, совокупная ценность запаса благ получается умножением числа штук или порций, составляющих запас, на предельную полезность, определенную на данный момент времени²⁶. Несостоятельность этой конструкции можно продемонстрировать, указав на тот факт, что если она верна, то совокупная ценность запаса бесплатного блага должна не стоить ничего. Поэтому Шумпетер предложил другую формулу, в которой каждая порция умножается на индекс, соответствующий положению данной порции на шкале предпочтений (все это, разумеется, совершенно произвольные упражнения), после чего полученные произведения складываются или интегрируются^{27, 28}. Эта попытка решения проблемы имеет тот же дефект, что и предшествующая, – она тоже опирается на предположение о возможности измерения предельной полезности и «интенсивности» ценности. Тот факт, что такие измерения невозможны, делает оба эти предположения бесполезными. Эту проблему необходимо решать каким-то иным образом.

Ценность всегда представляет собой результат оценки. Процесс оценивания состоит в сопоставлении важности двух комплектов благ, которое производится лицом, производящим оценку. Индивид оценивает, а комплекты благ подлежат его оценке. Это означает, что субъект и объект оценивания должны рассматриваться как неразделимые элементы любого процесса оценивания. Это не означает, что в других аспектах эти элементы так же неразделимы, например физически или экономически. Субъект акта оценивания вполне может быть группой лиц, государством, обществом или семьей – если и в той мере, когда и в какой он действует в данном конкретном случае как единое целое, например, через представителя. И оцениваемое благо может быть собранием единиц разных благ, в том случае, если они оцениваются как единое целое. Ничто не мешает тому, чтобы разные субъекты и объекты определенного акта оценивания были некоторой целостностью, а во всех других актах оценивания они были бы совершенно независимыми друг от друга. Одни и те же люди действуют совместно, через представителя, т. е. как один агент (например, государство), когда выносят суждение об относительной ценности военного корабля или больницы, и являются независимыми субъектами, оценивая другие блага, такие как сигары или газеты. То же верно и для оцениваемых благ. Современная теория ценности основывается на том, что шкалы ценностей определяются не абстрактной важностью

²⁵ Ср.: Kraus. Zur Theorie des Wertes. Halle, 1901. S. 24 ff. [*Краус, Оскар* (Oskar Kraus, 1872–1942) – австрийский и чешский философ, принадлежавший к школе Ф. Brentano, разрабатывал учение о ценности, понимаемой как философская и отчасти психологическая категория; автор концепции предпочтения, в котором выделяется эмоциональная и рассудочная составляющие. – *Науч. ред.*]

²⁶ Ср.: Wieser. Der natürliche Wert. Wien, 1889. S. 24.

²⁷ Первое – в случае дискретной шкалы, второе – в случае непрерывной. – *Прим. науч. ред.*

²⁸ Schumpeter. Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908. S. 103.

разных классов потребностей, но интенсивностью конкретных желаний. Отправляясь от этого положения, закон предельной полезности был разработан в форме, которая касается прежде всего обычного случая, при котором собрание различных благ является делимым. Но он включает в себя также и те случаи, когда оценке подлежит весь совокупный объем предложения как нечто единое.

Предположим, что экономически изолированный индивид располагает двумя коровами и тремя лошадьми и что соответствующий фрагмент его шкалы ценностей (на которой оцениваемые вещи упорядочены от наиболее ценной к наименее) выглядит следующим образом: 1) корова; 2) лошадь; 3) лошадь; 4) лошадь; 5) корова. Если этот индивид должен выбирать между одной коровой и одной лошадью, он будет склонен пожертвовать скорее коровой, чем лошадью. Если дикие звери нападают на одну из его коров и одну из его лошадей и у него нет возможности спасти обоих животных, то он попытается спасти лошадь. Но если гибель угрожает всей его домашней скотине, его решение будет иным. Предположим, что загорелись и конюшня, и хлев, и он может спасти обитателей какой-то одной из этих построек, предоставив остальным их судьбе. В этом случае, если он ценит трех лошадей меньше, чем двух коров, он попытается вывести не лошадей из горящей конюшни, а коров из горящего хлева. Результат оценивания, предполагающего выбор между всем доступным запасом коров и всем запасом лошадей, будет состоять в более высокой оценке запаса коров.

Корректные утверждения о ценности возможны, только если речь идет о конкретных актах оценивания. Ценность существует только в этом смысле – вне процесса оценивания ценности нет. Абстрактной ценности не существует. О совокупной ценности можно говорить, только имея в виду индивида или иного оценивающего субъекта, который сталкивается с необходимостью выбора между совокупными объемами различных благ. Как и любой другой акт оценивания, это оценивание является исчерпывающим. Делая выбор между двумя совокупностями, индивид не обязан принимать во внимание ценности единиц блага. Этот процесс оценивания, как и всякий другой, представляет собой непосредственное следствие из соображений о совокупной полезности соответствующих *запасов*. Когда запас оценивается как целое, его предельная полезность, или, иными словами, полезность последней единицы этого запаса, совпадает с совокупной полезностью запаса, так как этот совокупный запас представляет собой одно неделимое количество. Это верно и для бесплатных благ, отдельные единицы которых никогда не имеют ценности, т. е. всегда помещаются в что-то вроде склада ненужных вещей на самом дне шкалы ценностей, беспорядочно перемешиваясь с ценностями других бесплатных благ²⁹.

{ Несмотря на то что понятие совокупной ценности кажется совершенно ясным, его стоит хотя бы бегло рассмотреть более подробно. На этом материале можно показать, насколько мало использование математических конструкций предохраняет экономиста-теоретика от ошибок. Выше мы рассмотрели и формулу, с помощью которой Шумпетер измеряет совокупную ценность, и вскрыли природу ее ошибочности, указав на невозможность присвоить ценности какую бы то ни было «величину». Однако Шумпетеру не удалось достичь успеха и в попытках построить такую формулу. Развивая свою концепцию, он указывает на то, что совокупная ценность многих благ, например таких, от которых зависит поддержание жизни экономического субъекта, должна быть исключительно высока, – ей можно присвоить статус «бесконечно большой». Если же задаться целью получить оценку совокупной ценности в виде конечной величины, от которой только и можно отталкиваться, то не останется ничего иного, кроме как взять интеграл на интервале начиная не с тех количеств [блага], ценность которых в глазах индивида

²⁹ См. также: Clark. *Essentials of Economic Theory*. New York, 1907. P. 41. В первом немецком издании настоящей работы вышеприведенный пассаж содержал еще два предложения, подытоживавших, в неадекватной форме, результаты исследования проблемы совокупной ценности. Признав критику этого места со стороны Верийн-Стюарта, мы перестали включать их в текст, начиная со второго издания (см.: Verijin-Stuart C. A. *Die Grundlagen der Volkswirtschaft*. Jena, 1923. S. 115).

превышает всё мыслимое, т. е. не с нуля, а с определенной границы, за которой останутся не учитываемые [при интегрировании] жизненно необходимые потребности. Индивиду следует предоставить так называемый прожиточный минимум, что позволит измерить ценность только таких количеств благ, которые его превышают. Это станет сильным ограничением, которое, однако, не удивит никого, кто знаком с системой функций, используемых в других науках, и с теорией функций как таковой³⁰. В стремлении использовать в экономической теории методы других наук, прежде всего механики, Шумпетер совершенно упустил из виду, что даже если ошибочно (как было показано нами выше) предположить измеримость ценности, то единственным термином, который характеризует совокупную ценность благ, необходимых для поддержания существования в собственном смысле слова, является именно «бесконечная». Шумпетер совершенно верно полагает, что начинать с подобного выражения нельзя, однако эта невозможность не является технической, а коренится в самой сути предмета, поскольку, если индивид должен выбирать между совокупными запасами пары таких благ, каждое из которых является необходимым для поддержания жизни, никакая экономическая деятельность невозможна. Когда требуется выбирать между воздухом и водой, оценочное суждение индивида перестает быть значимым, поскольку какое бы решение он ни принял, его жизнь обречена.

Исследование проблемы совокупной ценности не сводится к академической дискуссии о логическом значении категорий выживания. Рыночное ценообразование, понижая оценку запасов благ до значений, соответствующих наиболее значимым потребностям, удовлетворению которых служат их первые единицы, играет огромную роль. Более детальная проработка этой проблематики есть задача теории монополярной цены. }

3. Деньги как индекс цен

Из сказанного выше должно быть ясно, что попытки приписать деньгам функцию меры цен или даже ценности, не имеют научной основы. Субъективная ценность не измеряется – она ранжируется. Проблема же измерения объективной потребительной ценности не есть проблема экономической теории. Раз уж об этом зашла речь, необходимо отметить, что соизмерение эффективности разнородных благ невозможно – в лучшем случае можно сопоставить эффективность благ какой-то одной разновидности. Как только речь заходит о благах разных видов исчезает всякая возможность не только соизмерения, но даже качественного сопоставления эффективности благ, принадлежащих к разным видам. Можно измерить теплотворную способность угля и дров и сравнить их между собой, но не существует никакого способа привести к некоему общему знаменателю объективную эффективность стола и книги.

Объективная меновая ценность также не является измеримой, поскольку и она представляет собой результат сопоставления, осуществляемого в ходе индивидуальных актов оценивания. Объективная меновая ценность единицы данного блага может быть выражена в единицах любой другой разновидности благ. Сегодня обмены обычно осуществляются посредством денег, и следовательно, каждое благо имеет цену, выраженную в деньгах. Это позволило деньгам стать средством для выражения ценности, когда усложнение шкалы ценностей в результате развития обмена привело к необходимости пересмотра техники оценивания.

Иными словами, возможности, предоставляемые институтом обмена, заставляют индивида переупорядочивать свои ценностные шкалы. Тот, на чьей шкале ценностей благо «бочка вина» расположено ниже блага «мешок овса», изменит этот порядок, если он сможет обменять бочку вина на рынке на такое благо, которое он ценит выше, чем мешок овса. Положение блага на ценностной шкале индивида более не определяется исключительно его собственной субъективной потребительной ценностью – на него влияют также субъективные потребительные

³⁰ {См.: *Schumpeter*. Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908. S. 103.}

ценности благ, которые могут быть получены в обмен на данное благо, если эти последние занимают на шкале этого индивида более высокое положение, чем данное благо. Таким образом, если при имеющихся у него ресурсах индивид хочет получить максимум полезности, он должен ознакомиться со всеми ценами на рынке.

Однако для этого он должен получить некоторую помощь в поиске своего пути среди множества обменных соотношений. Деньги, общепризнанное средство обмена, которое можно обменивать на любое благо и с помощью которого можно получить любое благо, великолепно подходят для решения именно этой задачи. Индивид не в состоянии, будь он даже суперэкспертом в торговых делах, отследить все возможные рыночные условия и произвести соответствующие перестановки на шкале, где располагаются его субъективные потребительные и меновые ценности, если он не использует некий общий знаменатель, к которому он может свести все множество обменных соотношений. Поскольку рынок обеспечивает возможность превратить любое благо в деньги, а деньги – в любое благо, объективная меновая ценность выражается в деньгах. Таким образом, по выражению Менгера, деньги превращаются в индекс цен. Вся структура экономического расчета предпринимателя и потребителя покоится на процессе оценивания благ в деньгах. Деньги превращаются в такое подспорье для человеческого разума, что он более не может отбросить их, если и когда он занят экономическим расчетом³¹. Если мы хотим сказать о функции денег как меры ценности в этом смысле, нет никаких причин не делать этого. Существуют, однако, такие термины, использование которых легко приводит к неверному пониманию, и перед нами как раз такой случай. Поэтому лучше постараться избежать его. К тому же выражение «мера ценности как функция денег» все-таки не вполне корректно, – обычно мы не называем определение географической долготы и широты «функцией» звезд.

---

³¹ О необходимости денег для экономического расчета см. мою работу: *Mises. Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*. 2. Aufl. Jena, 1922. S. 100 ff. (*Мизес. Социализм. Экономический и социологический анализ*. М.; Челябинск: Социум, 2018. С. 100 сл.)

Глава 3

Виды денег

1. Деньги и денежные заместители

Когда косвенный обмен осуществляется с помощью денег, деньгам нет необходимости физически переходить из рук в руки. Вместо монет может передаваться полностью обеспеченное требование на эквивалентную сумму, погашаемое по предъявлении. В этой замене пока нет ничего примечательного или специфически денежного. Что действительно заслуживает внимания и что может быть объяснено особенностями именно денег, так это исключительная распространенность такого способа денежных расчетов.

Прежде всего, деньги весьма хорошо приспособлены для того, чтобы быть предметом типового обязательства. Если взаимозаменяемость почти всех других благ более или менее ограничена и часто представляет собой фикцию, порожденную искусственной коммерческой терминологией, то взаимозаменяемость денег практически беспредельна. В этом отношении с деньгами могут сравниться, пожалуй, только такие ценные бумаги, как акции или облигации. Единственное обстоятельство, которое в принципе может ограничить взаимозаменяемость денег и ценных бумаг, связано с трудностями их дробления на отдельные, более мелкие составные части. Однако практика выработала массу приемов, позволяющих, по крайней мере поскольку речь идет о деньгах, преодолевать все сколько-нибудь значимые затруднения этого рода.

Еще более важное обстоятельство связано с той функцией, которую выполняют деньги. Денежное требование может вновь и вновь передаваться, обслуживая бесконечное число актов косвенного обмена без того, чтобы лицо, которое должно погасить его, было вынуждено сделать это. Это, очевидно, не так для других экономических благ, поскольку они всегда предназначены для того, чтобы обеспечить акт конечного потребления.

Специфическая пригодность денежных требований для обслуживания косвенного обмена обусловлена их полным обеспечением и немедленным погашением деньгами. Для краткости мы будем называть такие требования *заместителями денег*, или *денежными заместителями* (*money substitutes*). Эта приспособленность денежных заместителей к тому, чтобы обслуживать акты обмена, усиливается их местом в системе права и в коммерческой практике.

В техническом отношении – а в некоторых странах и в юридическом – передача банкноты практически ничем не отличается от передачи монеты. Внешнее сходство этих платежей таково, что участники торговых сделок обычно не видят никаких различий между объектами, которые действительно выполняют функции денег, и объектами, которые используются только как заместители первых. Бизнесмена совершенно не волнуют категории экономической теории. Он озабочен лишь коммерческими и юридическими характеристиками монет, банкнот, чеков и т. п. Практик видит, что банкноты передаются из рук в руки без документальных свидетельств [о параметрах их эмиссии], что купюры и монеты одинакового номинала обращаются одинаково, что с предыдущих обладателей банкнот нельзя взыскать ничего сверх уплаченной этими банкнотами суммы, что закон не делает различия между ними и деньгами, считая их равноправными при долговых сделках. Для практика существует другое фундаментальное различие – между банкнотами и монетами, с одной стороны, и текущим банковским счетом – с другой. Технически обращение средств, лежащих на текущем счете, организовано более сложно, к тому же и закон трактует их как нечто иное по сравнению с банкнотами и монетами. Отсюда проистекает популярное определение денег, которым люди руководствуются в своей повсе-

дневной деятельности. Нет сомнений в том, что из этого определения исходит банковский служащий и что оно может быть весьма полезно для мира бизнеса в целом. Но использовать это определение как элемент экономико-теоретической терминологии совершенно ни к чему³².

Дискуссию по поводу понятия денег нельзя причислить к таким главам в истории нашей науки, которые могут называться весьма приемлемыми. Она примечательна, главным образом, дымовой завесой юридических и коммерческих технических подробностей, скрывающей весьма тривиальное содержание, которое сводилось к обсуждению терминологических тонкостей. Решение проблемы классификации считалось самоцелью. При этом из виду совершенно упускалось то обстоятельство, что действительная цель подобных построений состоит просто-напросто в том, чтобы способствовать продвижению в исследовании проблемы. Если дискуссия имеет такой характер, она не может не быть плодотворной.

Пытаясь провести разграничительную линию между деньгами и теми объектами, которые внешне походят на них, мы должны иметь виду лишь цель нашего исследования. Эта дискуссия имеет значение постольку, поскольку наша цель – выявить законы, определяющие пропорцию обмена между деньгами и другими экономическими благами. Это и только это является целью экономической теории денег. Таким образом, используемая терминология должна соответствовать рассматриваемой проблеме. Если из всех объектов, выполняющих в коммерческой практике функции денег, выделяется некая группа, которая (и только она) именуется деньгами и которая противопоставляется остальным объектам (которым отказано в названии денег), то это разграничение должно быть проведено так, чтобы обеспечить продвижение в исследовании главной проблемы.

Эти соображения привели автора настоящей работы к выбору названия «денежные заместители» (а не «деньги») для таких объектов, которые, хотя и используются в качестве денег в коммерческой практике, представляют собой полностью обеспеченные требования, обратимые в деньги немедленно по предъявлении.

Требования не являются [первичными] благами; это средство получить блага в свое распоряжение. Этим полностью определяются их природа и экономическая роль³³. Они не ценятся непосредственно, сами по себе, но лишь опосредованно, – их ценность зависит от тех экономических благ, на которые они обращены. В процедуре оценивания требования участвуют два элемента – во-первых, ценность блага, право на которое представлено требованием, и, во-вторых, большая или меньшая вероятность того, что право на данное благо будет фактически реализовано. Если требование может быть предъявлено лишь по прошествии периода времени, то учет этого фактора образует третий элемент оценивания. На 1 января некоего года ценность права на получение десяти мешков угля 31 декабря того же года будет равна не ценности десяти мешков угля, но ценности партии размером в десять мешков угля, которая должна быть поставлена через год. Расчеты такого рода есть обычный элемент коммерческой практики, как и тот факт, что при оценке ценности требований во внимание принимается ценность их обеспечения.

Требования, обеспеченные деньгами, не составляют исключения. Те из них, которые погашаются по предъявлении (если нет сомнений в качестве обеспечения и соответствующий акт погашения не связан с дополнительными расходами), ценятся так же высоко, как и наличные. Они уплачиваются и принимаются точно так же, как и деньги³⁴. Только требования этого рода, т. е. погашаемые по предъявлении, совершенно безопасны (с точностью до того, что вообще может предвидеть человек) и в юридическом смысле обладают совершенной ликвид-

³² Ср.: *Andrew*. What ought to be called Money? // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. XIII. 1899. P. 219 ff.; *Weber*. Die Geldqualität der Banknote. Leipzig, 1900. S. 65 ff.

³³ См.: *Böhm-Bawerk*. Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre. Innsbruck, 1881. S. 120 ff.

³⁴ *Wagner*. Beiträge zur Lehre von den Banken. Leipzig, 1857. S. 34 ff.

ностью. В деловой практике только они выступают полными заместителями представляемых ими денег. Другие требования, например ноты, выпущенные банком против сомнительных ссуд или векселей, срок уплаты по которым еще не наступил, также участвуют в финансовых транзакциях и также могут использоваться в качестве общепризнанных средств обмена. Но, в соответствии с нашей терминологией, они не являются деньгами. В ходе обращения они начинают оцениваться отдельно, – они не считаются эквивалентом ни тех денежных сумм, которые лежат в их основе, ни даже ценности воплощаемых ими прав. Факторы, определяющие их меновую ценность, будут раскрыты нами в ходе дальнейшего изложения.

Разумеется, не будет ошибкой, если мы попытаемся включить в наше определение денег те полностью обеспеченные и погашаемые немедленно по предъявлении требования, которые мы выше предпочли назвать денежными заместителями. Но что должно быть решительно осуждено, так это широко распространенная практика называть деньгами определенные типы денежных заместителей, таких, как банкноты, разменные деньги и т. п., противопоставляя их другим видам денежных заместителей, таким как текущие счета, или вклады до востребования³⁵. Эта попытка различить то, между чем нет никакой существенной разницы, – ведь, скажем, банкноты и текущие счета различаются только внешне, – возможно, важна для деловой практики или юристов, но не имеет никакого значения для экономической теории.

С другой стороны, существуют весомые аргументы в пользу включения всех денежных заместителей в единую группу денег. В частности, необходимо отметить, что по своей экономической роли полностью обеспеченные и немедленно погашаемые денежные требования отличаются от требований на любые другие экономические блага. Так, требования на товары рано или поздно должны погашаться, что необязательно для денежных требований. Эти последние могут переходить из рук в руки, занимая в системе обменов место денег безо всяких попыток к погашению. Те, кто хочет получить деньги, вполне удовлетворены требованиями на них, а те, кто тратит деньги, находят, что денежные требования также отвечают и этим целям. Следовательно, предложение денежных заместителей должно включаться в совокупное предложение денег, а спрос на них – в общий спрос на деньги. Можно отметить, далее, что если возросший спрос на хлеб нельзя удовлетворить, напечатав больше хлебных карточек и не увеличив фактического предложения хлеба, то рост спроса на деньги можно удовлетворить подобным образом. Попутно заметим, что денежные заместители имеют определенные особенности, которые лучше поддаются учету, если эти объекты входят в определение денег.

Не собираясь оспаривать аргументы этого рода, по соображениям удобства мы будем придерживаться узкого определения денег, дополняя его как самостоятельной категорией денежными заместителями. Является это кратчайшим путем к истине или нет, может или нет какая-то иная процедура обеспечить лучшее понимание обсуждаемого предмета, судить читателю. Автор считает, что избранный метод является единственным, позволяющим разрешить сложные проблемы теории денег.

2. Особенности денежных заместителей

Экономико-теоретическая дискуссия о деньгах должна апеллировать только к положениям экономической теории. Она принимает во внимание юридические различия только в той мере, в какой эти последние важны с точки зрения экономической теории. Следовательно, в качестве отправной точки такой дискуссии должно быть взято экономико-теоретическое, а не юридическое определение денег, экономическое, а не правовое их описание. Отсюда вытекает необходимость интерпретировать наш отказ рассматривать тратты и другие требования в качестве денег в собственном смысле слова не только в рамках узкоправовой концепции денежных

³⁵ См., например: *Helfferrich*. Das Geld. 6. Aufl. Leipzig, 1923. S. 267 ff. (*Helfferrich*. Money. London, 1927. P. 284 ff.)

требований. Помимо требований на деньги, имеющих строгое юридическое обоснование, мы должны рассмотреть такие денежные взаимоотношения, которые, не будучи требованиями в юридическом смысле этого слова, тем не менее считаются таковыми в коммерческой практике, поскольку их, с теми или иными оговорками, фактически используют как требования на себя самих³⁶.

Не может быть сомнений в том, что немецкие разменные монеты, которые чеканились во исполнение имперского Закона о чекане от 9 июля 1873 г., в юридическом смысле являются денежными требованиями. Возможно, найдутся и такие проницательные критики, которые будут склоняться к тому, чтобы классифицировать эти монеты как настоящие деньги, на том основании, что они представляют собой штампованные диски из серебра, никеля или меди, т. е. являются объектами, имеющими все те же физико-механические свойства, которые имеют деньги. Однако, несмотря на мнение этих проницательных авторов, упомянутые разменные монеты с экономической точки зрения представляют собой тратты на национальное министерство финансов. Параграф 2 раздела 9 Закона о чекане (в редакции от 1 июля 1909 г.) обязывает Бундесрат указать те центры, которые должны выдавать золотые монеты по требованию лиц, предъявляющих серебряные монеты на сумму не менее 200 марок или никелевые и медные монеты на сумму не менее чем 50 марок. Исполнение этой функции возложено на ряд отделений Рейхсбанка. Другим разделом Закона о чекане (раздел 8) устанавливается, что Империя всегда будет в состоянии осуществлять обмен по указанному курсу. В соответствии с этим разделом общее количество отчеканенных серебряных монет ни в какой момент времени не должно превышать двадцать марок на душу населения, а количество никелевых и медных монет – двух с половиной марок на душу. По мнению законодателя, эти суммы представляют собой спрос на мелкую монету, и, следовательно, нет никакой опасности, что общий выпуск разменной монеты, превысит совокупный спрос на них. По общему мнению, для держателей разменной монеты не существовало юридически признанного права обмена [на золото], а количественные ограничения на использование разменной монеты в качестве узаконенного средства платежа (см. раздел 9, часть 1) были недостаточной заменой такого права. Тем не менее общепризнанным фактом является то, что разменные монеты без ограничений принимаются отделениями Рейхсбанка, указанными канцлером [банка].

Точно такое же правовое положение было установлено и для нот Имперского министерства финансов. Общее количество таких нот, находящихся в обращении, было ограничено 120 млн марок. Они также (раздел 5 закона от 30 апреля 1874 г.) разменивались на золото Рейхсбанком, действовавшим в данном случае от лица имперского министерства финансов. Не имеет отношения к делу ни то, что указанные ноты не имели статуса узаконенного средства платежа в частных сделках, ни то, что все были обязаны принимать серебряные монеты в сумме до двадцати марок, а никелевые и медные – до одной марки. Хотя по закону никто не был обязан этого делать, но фактически все охотно принимали их в качестве уплаты долгов.

Другим примером является германский [серебряный] талер в период от введения золотого стандарта [в 1871 г.] до изъятия талера из обращения 1 октября 1907 г.³⁷ В течение всего этого периода талер без сомнения имел статус узаконенного средства платежа. Но если мы пойдем дальше этой формулы, юридическое происхождение которой бесполезно для целей нашего исследования, и зададимся вопросом, был ли талер в течение этого периода *деньгами*,

³⁶ См.: Laughlin. The Principles of Money. London, 1903. P. 516 ff.

³⁷ Согласно конвенции, заключенной союзными государствами в 1857 г., монетной единицей Германии служил серебряный талер 900-й пробы (по 30 талеров из фунта чистого серебра). Рядом актов, принятых в 1871–1873 гг., в Германской империи установлен золотой стандарт, согласно которому денежной единицей стала марка, определенная как 0,356496 г чистого золота, и новая монетная система, основанная на чекане полноценных золотых монет в 5, 10 и 20 марок 900-й пробы (из 1 фунта чистого золота по закону выбивалось 279 шт. монет в 5 марок или 139,5 монет в 10 марок или 69,75 монет в 20 марок). – *Прим. науч. ред.*

ответом должно быть твердое «нет». Да, он использовался в торговой практике как средство обмена, но это использование было возможно только потому, что он представлял собой требование на то, что действительно являлось деньгами, т. е. на общепризнанное средство обмена. Хотя ни Рейхсбанк, ни Империя, ни одно из составлявших ее королевств или княжеств и никто другой не был обязан принимать его в качестве наличных, Рейхсбанк, действуя от лица государства, всегда старался гарантировать, что количество талеров, находящихся в обращении, не превысит спроса со стороны публики. Рейхсбанк обеспечивал этот результат, отказываясь навязывать талеры своим клиентам, когда производил выплаты. Это обстоятельство, наряду с тем фактом, что в расчетах, как с банком, так и с Империей талеры принимались как узаконенное средство платежа, было достаточным для того, чтобы талеры фактически превратились в тратты, которые всегда могли быть обращены в деньги. В результате талеры обращались в пределах Германской империи как полностью обеспеченные денежные заместители. Директорам Рейхсбанка неоднократно предлагалось в обмен на банкноты этого банка выдавать талеры, а не золото (что вполне соответствовало бы законодательству), расплачиваясь золотом только при условии премии. Целью этих предложений было воспрепятствовать экспорту золота. Но Рейхсбанк постоянно отвергал эти и все подобные предложения.

Истинная природа разменной монеты в других странах не всегда так очевидна, как в Германии, денежная и банковская система которой формировалась под влиянием таких деятелей, как Бамбергер, Михаэлис и Зётбеер³⁸. Соответствующие законы некоторых стран не позволяют с такой же легкостью установить теоретические основания политики в области чекана разменной монеты или использовать их в качестве примера, подобного приведенному выше. Тем не менее все они в конечном счете имеют в виду одно и то же. Общей для них юридической особенностью чекана разменных монет является ограничение платежной способности разменной монеты некоторой максимальной суммой, установленной законом. Как правило, это ограничение дополняется ограничением (также установленным законом) на общее количество разменной монеты, которое может быть отчеканено.

Такой вещи, как экономико-теоретическая концепция разменной монеты, не существует. Все, что могут сказать по этому поводу экономисты-теоретики, это то, что, во-первых, разменная монета представляет собой одну из подкатегорий требований на деньги. Во-вторых, она используется в качестве денежных заместителей. В-третьих, предполагается, что элементы вышеуказанной подкатегории предназначены для использования в денежных сделках на небольшие суммы. Тот факт, что чекан и обращение разменной монеты осуществляются в соответствии со специальными *юридическими нормами* и законодательно регулируются, объясняется специфической природой тех задач, для выполнения которых она предназначена. Общепризнанность права держателя банкноты на получение денег в обмен на нее, с одной стороны, в то время как, с другой стороны, обмен разменной монеты во многих странах административно ограничен, объясняется различными путями, по которым развивались соответ-

³⁸ *Бамбергер, Людвиг* (Ludwig Bamberger, 1823–1899) – немецкий банкир, один из основателей «Deutsche Bank», представитель Майнца в германском рейхстаге (1868), осуществлял экономическую реформу в Эльзасе (1871–1873), депутат имперского рейхстага (с 1873), один из лидеров национал-либеральной партии, разработчик законов о монетном чекане, о билетах государственного казначейства, о банкнотах, об имперском банке. Сторонник свободы торговли, золотого стандарта и жесткой денежной политики, Бамбергер постепенно оказался в оппозиции к своему политическому союзнику Бисмарку, противодействуя немецким катедер-социалистам, приобретающим все большее влияние. С конца 1880-х годов – член партии свободомыслящих. *Михаэлис, Отто* (Otto Michaelis, 1826–1890) – немецкий экономист, член прусской палаты депутатов (с 1861), депутат Северо-германского сейма (с 1867). В 1877–1879 гг. – директор финансового отдела имперской канцелярии, что соответствовало должности министра финансов Империи, один из создателей банковской и денежной системы Германской империи, основанной на золотом стандарте и частичном резервировании при наличии нескольких эмиссионных банков. *Зётбеер, Адольф* (Adolf Soetbeer, 1814–1892) – немецкий экономист и статистик, секретарь торговой палаты в Гамбурге (с 1839), за работы по гамбургской торговой статистике получил в Кильском университете степень доктора права, почетный профессор Гёттингенского университета (1871). Автор множества работ по денежному обращению и денежной политике, сторонник золотого стандарта, признанный авторитет в области международного денежного обращения. – *Прим. науч. ред.*

ственно банкноты и разменные монеты. Разменные монеты возникают вследствие потребности обеспечить обмен небольших количеств товаров невысокой ценности. Эти исторические обстоятельства их появления пока недостаточно освещены, и почти все, что написано по этому вопросу, имеет отношение лишь к нумизматике или метрологии³⁹. Тем не менее один тезис можно сформулировать с большой долей уверенности: чекан разменной монеты всегда представляет собой результат попыток исправить недостатки денежной системы. К ним относятся технические трудности, препятствующие делению денежной единицы на монеты малых номиналов. Стремление преодолеть именно эти трудности привело – после многочисленных неудачных попыток решить эту проблему – к тому варианту, который принят сегодня. В ходе этого процесса во многих странах в мелких сделках время от времени использовались разновидности неразменных декретных (*fiat*) денег⁴⁰, что порождало многочисленные неудобства – из-за наличия двух независимых разновидностей денег, одновременно выполняющих функцию общего средства обмена. Для того чтобы избежать неудобства этого рода, для мелких монет была установлена фиксированная законом пропорция их обмена на монеты, используемые в крупных сделках. Были приняты предупредительные меры к тому, чтобы количество мелких монет не превышало потребностей торгового оборота. Наиболее важной из этих мер было принудительное ограничение количества отчеканенных монет такой величиной, которая казалась необходимой для расчетов по мелким сделкам. Бывало, что это ограничение устанавливалось законом, но бывало и так, что оно отслеживалось и соблюдалось, не будучи установлено законодательно. Наряду с этим ограничением появился и лимит суммы, до которого разменные монеты имели статус узаконенного средства платежа в частных сделках, причем эта сумма устанавливалась на относительно низком уровне. Опасность, что эти меры окажутся недостаточными, никогда не представлялась слишком значительной, поэтому установленные законодательством ограничения либо не соблюдались вовсе, либо оставались неопределенными, когда право владельцев разменной монеты обменивать ее на деньги не было ясно сформулировано. Но сегодня всюду, где разменная монета не принимается обращением, она без возражений принимается государством или каким-то другим органом, вроде центрального банка. Таким образом разменные деньги получили статус денежных требований. Там, где эта практика на время прерывалась, и там, где предпринимались попытки приостановить фактически имевшую место обратимость разменной монеты в деньги – с целью заставить обращение принимать большее количество разменной монеты, чем оно того требовало, разменная монета превращалась в кредитные деньги или даже в товарные деньги. После этого они более не воспринимались как денежные требования, погашаемые по предъявлении, т. е. эквивалентные деньгам, и их ценность устанавливалась независимо.

Эволюция банкноты была совершенно иной. Она всегда считалась денежным требованием, даже с юридической точки зрения. Никто никогда не упускал из виду тот факт, что, если ценность банкнот должна быть такой же, как ценность денег, необходимы шаги по обеспечению и поддержанию возможности в любой момент погасить банкноты деньгами. То, что приостановка уплаты наличными по предъявлении банкнот изменяет их экономическую природу, едва ли могло остаться незамеченным, но в менее значимом случае разменных монет с их низкими номиналами и мелкими сделками это обстоятельство забывалось относительно легче. Более того, меньшая важность разменных монет означала, что для поддержания постоянной возможности их обмена на деньги для этой цели не нужно было создавать специальных

³⁹ См.: *Kalkmann*. Englands Übergang zur Goldwährung im 18. Jahrhundert. Straßburg, 1895. S. 64 ff.; *Schmoller*. Über die Ausbildung einer richtigen Scheidemünzpolitik vom 14. bis zum 19. Jahrhundert // *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*. XXIV. Jahrgang. 1900. S. 1247–1274; *Helffferich*. Studien über Geld- und Bankwesen. Berlin, 1900. S. 1–37.

⁴⁰ Определения товарных денег, кредитных денег и неразменных (декретных) денег см. в разделе 3 настоящей главы.

фондов. Отсутствие таких специальных обменных фондов также могло маскировать истинную природу разменной монеты⁴¹.

Особенно поучительны особенности денежной системы Австро-Венгрии. Реформа денежного обращения, объявленная в 1892 г., формально никогда не была завершена, и до падения Габсбургской монархии юридически сохранялся стандарт, называемый бумажным, поскольку Австро-Венгерский банк не был обязан осуществлять обмен собственных банкнот, которые имели статус узаконенного средства платежа без ограничения количества. Тем не менее с 1900 по 1914 г. Австро-Венгрия фактически придерживалась золотого стандарта, или золотодевизного стандарта, поскольку [центральный] банк фактически без всяких затруднений предоставлял золото по требованию участников торговли. Исходя из буквы закона банк не был обязан выдавать золото в обмен на свои банкноты. Он погашал их векселями (*bills of exchange*) и другими требованиями, которые погашались золотом за границей (чеки, ноты и т. п.), причем это погашение производилось по ценам ниже верхней теоретической золотой точки⁴². В этих условиях каждый, кто хотел экспортировать золото, естественно, предпочитал покупать требования этого рода, что позволяло ему достичь своей цели дешевле, чем при физическом вывозе золота.

Во внутренней торговле, где золото использовалось лишь в исключительных случаях — население за много лет до реформы перешло на банкноты и разменные монеты⁴³, — ситуация была аналогичной: банк всегда погашал банкноты золотом, хотя и не был обязан это делать. Эта политика проводилась не случайно и не время от времени, а сознательно и систематически. Ее целью было предоставить Австрии и Венгрии возможность использовать все преимущества золотого стандарта. И австрийское, и венгерское правительства, по инициативе которых банк проводил эту политику, сотрудничали в той мере, в какой это было возможно. Однако инстанцией, которая должна была гарантировать, что она всегда будет в состоянии осуществлять добровольно взятое обязательство по погашению банкнот, был сам центральный банк, добивавшийся этого посредством проведения соответствующей политики в области учетной ставки. Меры, принимаемые банком в этой связи, не отличались от мер, принимаемых эмиссионными банками других стран с золотым стандартом⁴⁴. Таким образом, банкноты Банка Австро-Вен-

⁴¹ О природе разменной монеты см.: Say. Cours complet d'economie politique pratique. 3-eme ed. Paris, 1852. Т. 1. P. 408; Wagner. Theoretische Sozialökonomik. Leipzig, 1909. II. Abt. S. 504 ff. Весьма содержательное обсуждение содержится в служебных записках и материалах обсуждений бельгийского Закона о чекане разменной монеты 1860 г. В записке Пирмеца (Pirmez) сущность современных разменных монет, конвертируемых в деньги, характеризуется следующим образом: «Обладая этим свойством (конвертируемостью), монеты более не являются просто монетами, они становятся требованиями, обязательствами уплаты. Их держатель более не является обладателем прав на монету как таковую (*jus in re*) — он владеет требованием, выписанным на государство, на номинальную ценность разменной монеты (*jus ad rem*), — это право может быть реализовано в любой момент по предъявлению монеты к обмену (погашению). Разменные монеты перестали быть деньгами, превратившись в инструмент кредита, в банкноту, выполненную в форме кусочков металла» (Loi decretant la fabrication d'une monnaie d'appoint... precedee des notes sur la monnaie de billon en Belgique ainsi que la discussion de la loi a la Chambre des Representants. Bruxelles, 1860. P. 50).

⁴² Золотые точки — значения фактического валютного курса, при которых его отклонение от монетного паритета делает выгодным пересылку золота вместо обмена одной валюты на другую, и наоборот. Например, если валютный курс доллара к фунту стерлингов в Нью-Йорке начинал превышать курс монетного паритета и это превышение было больше, чем удельные расходы на транспортировку золота из Нью-Йорка в Лондон, то британскому экспортеру становилось выгодным получать экспортную выручку, не обменивая доллары на фунты, а вывозя золото из Нью-Йорка (экспортная золотая точка). Если же курс доллара падал ниже монетного паритета, и если это падение превышало расходы по транспортировке золота, то британским импортерам становилось выгодно расплачиваться за американские товары не обменивая фунты на доллары, а вывозя золото в Америку. При золотом стандарте золотые точки задают весьма узкие границы колебаний валютных курсов, обеспечивая стабильность мировой денежной системы. — Прим. науч. ред.

⁴³ Серебряный гульден занимал в Австро-Венгрии такое же положение, как серебряный талер в Германии 1873–1907 гг. Он был узаконенным средством платежа, в экономико-теоретическом смысле представляя собой денежное требование, поскольку эмиссионный банк всегда погашал его [золотом] по первому предъявлению.

⁴⁴ См. мои статьи: Das Problem gesetzlicher Aufnahme der Barzahlungen in Österreich-Ungarn // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XXXIII. Jahrgang. 1909. S. 985—1037; Zum Problem gesetzlicher Aufnahme der Barzahlungen in Österreich-Ungarn // ebend. XXXIV. Jahrgang. 1910. S. 1877–1884; The Foreign Exchange Policy of the Austro-

грии представляли собой не что иное, как банкноты. Деньгами в этой стране, как и в других европейских странах, было золото.

3. Товарные деньги, кредитные деньги и декретные деньги

Экономическая теория денег обычно формулируется не в экономических, а в юридических терминах. Эти термины используются публицистами, политиками, коммерсантами, судьями и другими лицами, внимание которых сосредоточено на правовых характеристиках различных видов денег и денежных заместителей. Использование этих терминов целесообразно в контексте тех аспектов денежной системы, которые важны с правовой точки зрения. Однако для целей экономико-теоретического исследования они практически бесполезны. Этому обстоятельству не уделяется должного внимания, несмотря на тот факт, что в денежной теории, как ни в каком другом вопросе, путаница между юридической и экономической наукой столь распространена и чревата столь далеко идущими опасными последствиями. {Одни считают, будто с помощью юридических терминов необходимо выразить некие экономико-теоретические положения, на которые без этого не обращается должного внимания. Другие отвергают искусственные термины, изобретаемые экономистами-теоретиками, как юридически неопределенные. И те и другие неправы в равной мере.} Исследовать экономические категории с помощью юридических понятий является грубой ошибкой. Правовая терминология, а также результаты правового анализа проблем денежной системы должны восприниматься экономистами-теоретиками как один из предметов их исследования. Задачей экономиста не является их критика, хотя они могут использоваться ими для решения задач их собственной науки. Технические юридические термины могут использоваться в ходе экономико-теоретических дискуссий, но только если это не ведет к ошибкам. Но для решения собственных задач экономическая теория должна создать свою собственную терминологию.

Существует два типа объектов, которые могут использоваться в качестве денег. С одной стороны, это физические предметы, как, например, металлическое золото или серебро. С другой стороны, это могут быть такие объекты, которые технически не отличаются от предметов, не используемых в качестве денег. Факторы, определяющие, являются ли эти объекты деньгами или нет, связаны с их юридическими, а не физическими свойствами. Кусок бумаги, «денежность» которого обеспечивается тем, что он отпечатан специальным государственным органом, ничем не отличается от другого куска бумаги, точно так же отпечатанного, но только кем-то, кто не уполномочен печатать деньги, – точно так же, как настоящая монета в пять франков технологически ничем не отличается от «точной копии подлинника». Единственное отличие лежит в законе, которым регулируется процесс изготовления таких монет и который запрещает изготавливать их всем, кроме государства. Чтобы избежать непонимания, в этом месте мы должны специально оговорить следующее: все, что может делать закон, это обеспечить регулирование процесса выпуска монет, – государство не властно, в дополнение к этому, предписать, чтобы эти монеты стали деньгами фактически, т. е. чтобы все начали использовать их как общепризнанное средство обмена. Все, что может сделать государство посредством своего официального штампа, это выделить определенные куски металла или бумаги из всех других таких же предметов с тем, чтобы процесс их оценивания осуществлялся независимо от этих других предметов. Тем самым оно *позволяет* использовать в качестве общепризнанных средств обмена те предметы, которые имеют специальные правовые характеристики, в то время как другие предметы этого же рода остаются просто предметами. Государство может также

Hungarian Bank // Economic Journal. Vol. XIX. 1909. P. 201–211. Под влиянием растущего инфляционистского движения, которое усиливалось благодаря активной пропаганде государственной теории денег Кнаппа, центральный австро-венгерский банк уже в 1912 г. несколько ослабил свою политику, когда временно повысил цены, уплачиваемые им за девизы. Как только разразилась мировая война, он тут же прекратил выплату металлической наличности.

осуществлять различные действия, имеющие целью побудить участников обмена использовать в качестве средства обмена именно эти, авторизованные им предметы. Но эти предметы не могут стать деньгами лишь потому, что так велело государство, – деньги возникают только в процессе использования теми, кто осуществляет сделки купли-продажи.

Ту разновидность денег, которая в то же время представляет собой обычные товары коммерческого оборота, мы можем называть *товарными деньгами* (*commodity money*). Деньги, представляющие собой предметы, снабженные юридической санкцией, мы будем называть *декретными деньгами* (*fiat money*)⁴⁵. Третья категория денег может быть названа *кредитными деньгами* (*credit money*) – это деньги, представляющие собой требования в отношении какого-либо физического или юридического лица. Но эти требования не должны одновременно быть размениваемыми по первому требованию и полностью обеспеченными. Если они обладают обоими указанными свойствами, то не будет никакой разницы между их ценностью и ценностью обеспечивающих их денег, – они не могут независимо оцениваться теми, кто их использует. Тем или иным образом погашение этих требований должно быть отложенным на некий будущий момент времени. Вряд ли можно спорить с тем, что декретные деньги, понимаемые в буквальном смысле этого термина, теоретически возможны. Теория ценности допускает возможность их существования. Другой вопрос, существовали ли когда-либо декретные деньги фактически, – утвердительный ответ на этот вопрос не может быть дан немедленно. Можно почти без сомнений утверждать, что большинство разновидностей денег, не являющихся товарными деньгами, должно быть отнесено к кредитным деньгам. Однако прояснить это может только детальное историческое исследование.

Наша терминология является более продуктивной, чем используемая обычно. Она позволяет дать более ясное описание особенностей процесса оценивания разных типов денег. Очевидно, что она более корректна, чем разделение денег на металлические и бумажные. Металлические деньги состоят не только из стандартных денег, но и из разменной монеты, а также из монет, подобных немецкому серебряному талеру периода 1873–1907 гг. Бумажные деньги, как правило, включают в себя не только декретные и кредитные деньги, изготовленные из бумаги, но также и конвертируемые банкноты, эмитируемые банками и государством. Различение металлических и бумажных денег восходит к обыденному словоупотреблению. Ранее, когда «металлические» деньги чаще, чем сегодня бывали настоящими деньгами, а не денежными заместителями, номенклатура денежных терминов имела меньшее значение, чем в наше время. Более того, указанное подразделение на металлические и бумажные деньги соответствовало (и возможно, до сих пор соответствует) наивной и внутренне противоречивой концепции ценности, которая приписывала благородным металлам «внутреннюю ценность», считая бумажные деньги временно необходимым, но, вообще говоря, аномальным явлением. С научной точки зрения это разделение совершенно бесполезно, хуже того – оно ведет к непониманию и путанице. Самая большая ошибка, которая может быть совершена в ходе экономико-теоретического исследования, состоит в фиксации на внешних признаках и в неспособности распознать фундаментальные отличия между теми объектами изучения, которые схожи по внешним проявлениям. Сюда же относится различная трактовка фундаментально схожих объектов, отличающихся лишь по виду.

Следует признать, что для нумизмата, технолога или историка искусства существует весьма мало отличий между пятифранковой монетой до и после приостановки свободы перечеканки серебра. В то же время для них австрийский серебряный гульден, даже периода между 1879 и 1892 г., представляется фундаментально отличным от бумажного гульдена. Остается лишь сожалеть, что такие поверхностные различия до сих пор играют какую-то роль в экономико-теоретических дискуссиях.

⁴⁵ В литературе на русском языке используется также синонимичный этому термин «указные деньги». – Прим. науч. ред.

{ Вагнер⁴⁶ пишет о деньгах, обладающих материальной ценностью, частично обладающих материальной ценностью и не обладающих материальной ценностью⁴⁷. Эти термины нельзя признать ни корректными, ни удачными. Прежде всего следует отметить, что на практике не существует денег, материал которых не имеет никакой ценности, так как для изготовления таких денег пришлось бы использовать неограниченное благо, подобное воздуху или воде. Бумага, на которой печатают банкноты, не лишена ценности и – поскольку она обладает пусть и очень малой ценностью – все же представляет собой ценное благо. Тем самым исчезает основание для различения между деньгами, не обладающими материальной ценностью, и деньгами, частично обладающими материальной ценностью, и деление на три группы должно уступить место делению на две. Однако избранные выражения не подходят для наименования и этих двух групп. Наряду с трехчастной классификацией, которую он, впрочем, лишь бегло упоминает, Вагнер вводит деление денег на две категории, используя в качестве их названий понятия денег, обладающих материальной ценностью, и денег, не обладающих материальной ценностью, причем последние он обозначает еще и термином «кредитные деньги». Гельферих, построивший также двухчастную классификацию, говорит о полноценных и неполноценных деньгах⁴⁸. Оба терминологических ряда вызывают сильные сомнения ввиду некорректной трактовки формирования ценности денег. Они способствуют тому, что читатель может увидеть принципиальные различия там где их не существует. Кроме того, нам представляется не вполне безопасным использование выражений, потакающих распространенным заблуждениям в отношении денег и их ценности.

Кнапп проводит различие между гилогенными и автогенными платежными средствами. Обе эти разновидности готовы стать платежным средством уже в силу материалов, из которых они сделаны, но они становятся платежными средствами только в процессе использования этих материалов. Затем, однако, опять появляются хартальные платежные средства, не обладающие этим свойством, – вот их-то и нужно было бы назвать автогенными⁴⁹. Вся эта терминология держится на государственной теории происхождения денег и ее специфической трактовки денег как платежных средств⁵⁰.

Уже самое краткое размышление показывает оправданность использования таких терминов, как товарные деньги, кредитные деньги и декретные деньги⁵¹. } Наша трехчастная классификация не есть род терминологической гимнастики. Теоретическое обсуждение, ведущееся на протяжении всей книги, должно продемонстрировать полезность концепций, лежащих в ее основании.

Отличительной чертой товарных денег является использование в качестве денег товара в предметно-технологическом смысле слова. Для целей настоящего исследования совершенно безразлично, какой именно товар при этом используется. Важно то, что именно некий товар является деньгами и что деньги являются именно товаром. Декретные деньги имеют совер-

⁴⁶ Вагнер, Адольф-Генрих-Готхильф (Wagner, Adolph-Heinrich-Gotthilf) – немецкий экономист (1835–1917), преподавал в различных университетах Германии, Австрии и России, с 1870 г. возглавлял кафедру экономической теории в Берлинском университете, в политике – сторонник христианского социализма, член палаты депутатов Пруссии, в теории – эклектик, близкий к немецкой исторической школе. Автор учебника политической экономии, а также работ по теории банковской деятельности (Beiträge zur Lehre von den Banken. Leipzig, 1857), теории денег и кредита (Die Geld und Kredittheorie. Wien, 1862). – *Прим. науч. ред.*

⁴⁷ {Ср.: Wagner. Theoretische Sozialökonomik. Leipzig, 1909. II. Abt. S. 136 ff.}

⁴⁸ {См.: Helfferich. Geld und Banken. Leipzig 1908. I. Bd. S. 379 ff.; во втором издании этого труда, вышедшем в 1910 г. под названием «Деньги», данное различие больше не проводится с прежней ясностью, поскольку Гельферих, под влиянием идей, содержащихся в работах Кнаппа, переработал соответствующие отрывки.}

⁴⁹ {Ср.: Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. Leipzig, 1905. S. 29 ff.}

⁵⁰ {См. ниже, с. 65 сл.}

⁵¹ {В схожем значении понятие декретных денег используют и Насце – (Лексис): Nasse— (Lexis). Das Geld- und Münzwesen // Schönbergs Handbuch der politischen Ökonomie. 4. Aufl. Tübingen 1896. I. Bd. S. 347. (См.: Насце, Лексис. Металлические деньги и валюта. М., 1897.)}

шенно иную природу – для них решающим обстоятельством является штамп. Штамп, а не предмет, на который этот штамп наносится, придает этому предмету статус денег. Наконец, кредитные деньги представляют собой требование, исполнение которого отнесено в некий момент будущего, используемое в качестве общепризнанного средства обмена.

{ Нет нужды делать особый упор на том, что, проводя различие между товарными, кредитными и декретными деньгами, мы не имели намерения сравнивать достоинства этих разновидностей денег, скажем, рекомендовать использовать товарные деньги и отказаться от кредитных и декретных денег. }

4. Товарные деньги в прошлом и настоящем

Даже в тех случаях, когда классификация денег на три категории (товарные, декретные и кредитные) в принципе принимается и обсуждению подлежит лишь ценность денег в рамках каждой из этих групп, многие специалисты и большая часть публики полностью отвергают тезис о том, что свободно эмитируемые валюты сегодняшнего дня и металлические деньги прошлого представляют собой пример товарных денег. Никто не отрицает того, что деньги прошлого представляли собой товарные деньги. Как правило, никто не отрицает того факта, что в прежние времена монеты обращались по весу, а не по номиналу. Считается, однако, что деньги давно изменили свою природу. Говорят, что в 1914 г. деньгами Германии и Англии было не золото, а соответственно марка и фунт стерлингов. Сегодняшние деньги представляют собой «специфические единицы определенного достоинства в терминах ценности, присвоенной им законом» (Кнапп). «Стандартом мы называем единицы ценности (флорины, франки, марки и т. д.), которые были приняты как мера ценности, а под *деньгами* мы понимаем счетные предметы (*tokens*), такие как монеты и банкноты, которые представляют единицы, функционирующие как мера ценности. Дебаты о том, что именно, золото или серебро, или оба эти металла должны служить и стандартом, и деньгами, совершенно бесплодны, так как ни серебро, ни золото не выполняет этих функций и даже не может их выполнять» (Хаммер)⁵².

Перед тем как приступить к исследованию этого примечательного утверждения, позвольте сделать краткий экскурс в его генезис, хотя в данном случае более уместно было бы говорить не о генезисе, а об идейном ренессансе, поскольку эта доктрина восходит к самым древним и самым примитивным теориям денег. Этим представлениям, так же как и современным номиналистическим теориям, была присуща полная неспособность внести хоть какой-то вклад в разрешение главной проблемы денежной теории – ее по праву можно называть просто проблемой этой теории – а именно в объяснение пропорций обмена между деньгами и другими экономическими благами. Для авторов, придерживающихся этой доктрины, экономической проблемы ценности и цен просто не существует. Они никогда не считали необходимым задумываться над тем, каким образом устанавливаются рыночные соотношения, и что они означают. Их внимание случайно привлек тот факт, что немецкий талер (после 1873 г.) и австрийский гульден (после 1879 г.) принципиально отличается от серебряного диска того же веса и пробы, не отчеканенного на государственном монетном дворе. Они заметили, что это похоже на то положение, в котором находятся «бумажные» деньги. Они не поняли, в чем тут дело, и попытались найти разгадку этой головоломки. Но с этого момента, именно вследствие незнания с теорией ценности и цен, их исследование пошло в совершенно неверном направлении. Эти авторы не стали выяснять, каким образом устанавливаются обменные пропорции между деньгами и другими экономическими благами. Это представлялось им чем-то самооче-

⁵² См., в частности: *Hammer*. Die Hauptprinzipien des Geld- und Währungswesen und die Lösung der Valutfrage. Wien, 1891. S. 7 ff.; *Gesell*. Die Anpassung des Geldes und seiner Verwaltung an die Bedürfnisse des modernen Verkehrs. Buenos Aires, 1897. S. 21 ff.; *Knapp*. Staatliche Theorie des Geldes. 3. Aufl. München, 1921. S. 20 ff.

видным. Они сформулировали проблему, подлежащую разрешению, совершенно иначе. *Каким образом получилось, что три монеты в двадцать марок стали эквивалентны двадцати талерам, несмотря на то что серебро, из которого изготовлены эти талеры, имеет меньшую рыночную ценность, чем золото, из которого изготовлены марки?* И не замедлили с ответом: *потому что ценность денег определяется государством, законодательным актом, правовой системой.* Таким образом, проигнорировав наиболее важные факты истории денег, они сплели искусственную сеть заблуждений, создали теоретическую конструкцию, которая разваливается от первого же вопроса, который немедленно возникает: *что именно понимается под единицей ценности?* Но этот очевидный вопрос может прийти в голову только тем, кто знаком по крайней мере с началами теории цен. Остальные успокаивают себя, указывая на «номинальность» единицы ценности. Неудивительно, что эти теории приобрели такую популярность у обывателей {и среди полубразованных экономистов, – здесь, как и везде, полубразованность хуже полного отсутствия образования}. В частности, эта популярность объясняется родством этих теорий с инфляционистскими воззрениями, что позволило всем энтузиастам «дешевых денег» воздать им свои хвалы.

Необходимо заметить, что все заслуживающие доверия исследования истории денег подтверждают тот факт, что во все времена и у всех народов главные монеты отдавались и принимались не по номиналу, т. е. безотносительно к весу и пробе, а только как кусочки металла определенной чистоты и веса. В тех случаях, когда монеты принимаются по номиналу, это всегда происходит вследствие глубокой убежденности в том, что наличие штампа гарантирует этим монетам обычную чистоту и правильный вес. Как только исчезают основания для такой убежденности, взвешивание и измерение чистоты металла возобновляются.

Распространение теории, согласно которой государственные органы, отвечающие за денежное обращение, обладают правом регулировать покупательную способность монет так, как им кажется более правильным, связано с налогообложением. С тех пор как чекан монет стал функцией государства, правительства стремились зафиксировать вес и чистоту монет на тех уровнях, какие им представлялись желательными. Французский король Филипп IV явным образом потребовал себе права «чеканить такую монету и придавать ей такое денежное содержание и в таких соотношениях, какие мы пожелаем и какими сочтем благоприятными для нас»⁵³. Так же думали и такой же денежной политики придерживались все правители Средних веков. Придворные юристы поддерживали их, пытаясь открыть философские основания священного права королей портить монету и доказать, что истинную ценность монетам присваивает правитель страны.

Тем не менее, бросая вызов всем официальным запретам и мерам регулирования, фиксации цен и угрозам наказания, коммерческая практика всегда исходила из того, что монеты ценятся не по номинальной ценности, а по ценности заключенного в них металла. Ценность монеты всегда определялась не изображениями и надписями, не заявлениями монетного двора и регуляторов рынка, а содержанием металла. Не все монеты принимались немедленно по предъявлении, а лишь те, которые имели высокую репутацию в отношении их веса и чистоты. В договорах займа фиксировался вид монеты, которой должно осуществляться погашение, причем оговаривалось, что в случае изменений параметров чекана договор должен исполняться в терминах соответствующего количества металла⁵⁴. Несмотря на все налоговые соображения, общее мнение – даже в среде юристов – постепенно сходило к тому, что именно ценность

⁵³ См.: *Luschin*. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. München, 1904. S. 215; *Babelon*. La theorie feodale de la monnaie. (Extrait des memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres.) Tome XXXVIII. 1-re Partie. Paris, 1908. P. 35).

⁵⁴ См. важные ссылки в: *Babelon*. Op. cit. P. 30 ff.

металла – *bonitas intrinseca*, как они ее называли, – должна приниматься во внимание при погашении денежных ссуд⁵⁵.

Порча монеты не в состоянии была принудить коммерческую практику считать, что новые более легкие монеты имеют ту же покупательную способность, что более тяжелые старые⁵⁶. Ценность монет падала пропорционально падению их веса и качества. Снижение покупательной способности монет вследствие их порчи принималось во внимание даже при регулировании цен. Так, в городе Швайдниц в Силезии образцы вновь отчеканенных пфеннигов сдавались городским рыночным смотрителям (*Schöffnen*), которые производили их оценку и затем, посоветовавшись с городским советом и старейшинами города, фиксировали цены товаров в соответствии с этой оценкой. Из Вены XIII в. до нас дошла *forma institutionis que fit per civium arbitrium annuatim tempore quo denarii renovatur pro rerum venalium qualibet emptione*⁵⁷, в соответствии с которой устанавливались цены товаров и услуг после новых чеканок монет в 1460 и 1474 г. Схожие меры в аналогичных случаях принимались и в других городах⁵⁸.

Всегда, когда дезорганизация монетного чекана достигала той стадии, когда штамп на монете не мог более служить для определения ее реального металлического содержания, торговля полностью отказывалась от официальной денежной системы и изобретала собственные меры благородных металлов. В крупных сделках использовались слитки (*ingots*) и специальные торговые знаки (*trade tokens*). Так, немецкие купцы, приезжая на Женевскую ярмарку, брали с собой слитки чистого золота и осуществляли покупки на золото, используя вместо денег кусочки золота, соответствующие весовым мерам парижского рынка. Таково происхождение маркенскудо, или *scutus marcharum*, который был ничем иным как принятым у купцов названием 3,765 грамма чистого золота. В начале XV столетия, когда торговля постепенно перемещалась из Женевы в Лион, золотая марка стала настолько привычной единицей расчетов между купцами, что на рынке обращались векселя в этих единицах. Схожее происхождение имеет старая венецианская *lire di grossi*⁵⁹. В жиробанках⁶⁰, которые распространились по всем торговым центрам в начале Нового времени, мы видим дальнейшие попытки освобождения денежной системы от искажающего воздействия монетной монополии властей. Клиринговые операции этих банков основывались либо на монетах установленной чистоты, либо на слитках. Эти банковские деньги были товарными деньгами в своей наиболее совершенной форме.

Номиналисты заявляют, что в современных государствах денежные единицы во всяком случае не являются конкретными вещественными единицами, которые можно определить в технических терминах, но представляют собой номинальные количества ценности, о которых нельзя сказать ничего, кроме того, что они созданы законом. Не затрагивая эту неопределенную и туманную фразеологию, не выдерживающую никакой критики с позиции теории ценности, зададим простой вопрос: чем были марка, франк и фунт до 1914 г.? Очевидно, они

⁵⁵ См.: *Seidler*. Die Schwankungen des Geldwertes und die juristische Lehre von dem Inhalt der Geldschulden // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. (1894.), 3. Folge. VII. Bd. S. 688.

⁵⁶ Об истории этой проблемы в Древней Руси см.: *Gelesnoff*. Grundzüge der Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1918. S. 357.

⁵⁷ Форма установления, делающегося по решению граждан ежегодно, в то время, когда обновляются деньги, для покупки какого-либо товара (лат.). – *Прим. науч. ред.*

⁵⁸ См.: *Luschin*. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. München, 1904. S. 221 f.

⁵⁹ Ibid., p. 155; *Endemann*. Studien in der romanische-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre bis gegen Ende des 17. Jahrhunderts. Berlin, 1874. I. Bd. S. 180 ff.

⁶⁰ Жиробанки – от итальянского *giro* – круг. Так назывались первые банки городов Северной Италии, создававшиеся там начиная с XIII в. для безналичных расчетов между вкладчиками (бывшими, как правило, и пайщиками, что сближало их с современными кредитными союзами), принадлежавшие к одному кругу знакомых между собой лиц. Уже к началу XVII в. термин «жиробанк» понимался просто как банк для безналичных расчетов («переводов» – отсюда один из вариантов русского термина – «переводной банк», использовавшегося как эквивалент термина «жиробанк»). В соответствии с классификацией, принятой в русской специальной литературе XIX – начала XX в. жиробанки и эмиссионные банки относились к одной группе оборотных банков. При этом эмиссионный банк считался более зрелой формой жиробанка, так как имел право фидуциарной эмиссии. – *Прим. науч. ред.*

представляли собой не что иное, как количества золота определенного веса. Не является ли указание на то, что Германия имела не золотой, а «марковый» стандарт, попыткой увернуться от ответа? В соответствии с буквой закона Германия имела золотой стандарт, а марка представляла собой просто счетную единицу, равную $\frac{1}{2790}$ кг чистого золота. Этот факт никак не зависит от того обстоятельства, что в частных сделках никто не связывался с золотыми слитками или иностранными золотыми монетами, поскольку единственной целью и мотивом государственного вмешательства в денежную сферу является освобождение граждан от необходимости проверять вес и чистоту получаемого ими золота. Эта задача может быть выполнена только экспертами, а ее выполнение предполагает наличие развитой системы мер предотвращения нарушений. Узость границ, в которых закон позволяет колебаться весу и чистоте монет при чекане, и установление дополнительных ограничений на допустимую потерю веса в процессе их обращения, являются гораздо более надежными средствами обеспечения честной монетной системы, чем азотная кислота, которой пользуются все, кто осуществляет торговые сделки. С другой стороны, право свободной чеканки, один из основополагающих принципов современного денежного права, обеспечивает защиту от расхождения между ценностью монетарного и немонетарного металла. В крупных сделках международной торговли, где указанная разница, пренебрежимо малая при мелких сделках, может накапливаться, приводя к значительным потерям, монеты считаются не по их количеству, а по весу. Это означает, что они оцениваются не как монета, а как единицы металла. Легко понять, почему этого не наблюдается во внутренней торговле. Крупные платежи внутри страны никогда не влекут за собой физического перемещения соответствующих количеств денег, – они исполняются путем выписывания требований, обеспеченных в конечном счете запасом благородных металлов центрального банка.

Та роль, которую играют слитки в составе золотых резервов банков, доказывает, что денежный стандарт основан на благородных металлах, а не на заявлениях властей.

Даже для монет сегодняшнего дня, в той мере, если они не являются денежными заместителями, кредитными или декретными деньгами, справедливо утверждение, согласно которому они представляют собой не что иное, как слитки, вес и чистота которых гарантированы официально⁶¹. Деньги тех современных стран, металлические монеты которых используются без ограничений, суть товарные деньги в той же мере, в какой они были ими для народов античности и Средневековья.

---

⁶¹ *Chevalier*. Cours d'économie politique. T. III. La monnaie. Paris, 1850. P. 21 ff.; *Goldschmidt*. Handbuch des Handelsrechts. Erlangen, 1868. I. Bd. 2. Abt. S. 1073 ff.

Глава 4

Деньги и государство

1. Положение государства на рынке

На рынке положение государства ничем не отличается от положения всех других участников. Как и они, государство обменивает товары и деньги на тех условиях, которые диктуются законами цен. Оно реализует суверенные права в отношении своих подданных, налагая на них обязательные сборы. Но во всех других отношениях государство точно так же, как все другие, приспосабливается к коммерческой организации общества. Будучи продавцом или покупателем, государство должно следовать условиям рынка. Если оно захочет изменить какую-нибудь пропорцию обмена, установленную рынком, оно может достичь этого только посредством использования механизмов самого рынка. Благодаря ресурсам, находящимся в его распоряжении вне рынка, оно, как правило, способно действовать более эффективно, чем кто-либо другой. {Никто не может более легко создать монополию, как совершенную, так и несовершенную, чем государство, – оно занимает первое место в ряду социальных факторов, определяющих организацию производства.} Государство несет ответственность за все наиболее громкие потрясения рынка, поскольку оно способно оказывать наиболее сильное воздействие на спрос и предложение. Оно само тем не менее подчиняется законам рынка и не может не испытывать на себе действия законов образования цен. В экономической системе, основанной на частной собственности на средства производства, никакое государственное регулирование не в состоянии изменить условий обмена иначе, чем изменяя факторы, определяющие их.

Короли и республики раз за разом отказывались признавать это. Эдикт Диоклетиана *de pretiis rerum venalium*⁶², регулирование цен в Средние века, ценовые максимумы Французской революции – вот наиболее известные примеры провалов авторитарного вмешательства в рыночные отношения. Попытки государственного вмешательства не прекращались, несмотря на то, что оно действовало только в границах соответствующей страны и игнорировалось везде за ее пределами. Ошибкой будет полагать, что схожие меры по регулированию рынка могут увенчаться успехом в одном отдельно взятом государстве. Пределы государственного вмешательства, на которые наталкивались правительства и наличие которых приводило к их отмене, имели не географическую, а функциональную природу. Они могут достичь цели только в условиях социалистического государства с централизованным производством и распределением. В странах, где производство и распределение оставлены индивидуальным предпринимателям, последствия этих мер с необходимостью будут приводить к краху.

Концепция, согласно которой деньги есть продукт закона и государства⁶³, является очевидно несостоятельной. Она не подтверждается ни единым явлением, имеющим место в условиях рынка. Приписывать государству способность диктовать законы обмена означает игнорировать фундаментальные принципы общества, в котором используются деньги.

---

⁶² Эдиктом императора Диоклетиана 301 г. «О товарных ценах» в Римской империи были зафиксированы цены товаров более чем 3 тыс. наименований. Фиксация цен была попыткой справиться с последствиями сильнейшей инфляции, с помощью которой в условиях снижения денежных поступлений Римская империя финансировала государственные расходы. Главным способом инфляции было неоднократное понижение золотого содержания ауреуса, которое в конце концов привело к разрушению денежной и налоговой систем, во многом обусловившей переход к натуральным повинностям, прикреплению должностных лиц к земле, установлению наследования должностей и прочим элементам раннего феодализма. – *Прим. науч. ред.*

⁶³ См. в особенности: *Neupauer. Die Schaden und Gefahren der Valutaregulierung für die Staatsfinanzen, die Volkswirtschaft und die Kriegsbereitschaft. Wien 1892. S. 1 ff.; Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. 3. Aufl. München, 1921. S. 1 ff.*

2. Понятие денег в науке права

Если обе стороны обмена исполняют свои обязательства сразу и товар переходит из рук в руки в обмен на немедленно уплачиваемые наличные, то обычно не возникает никакого мотива для юридического вмешательства государства. Но если сделка предполагает обмен настоящих благ на будущие блага, может случиться так, что одна сторона окажется не в состоянии выполнить свои обязательства, несмотря на то что другая сторона исполнила свою часть договора. В такой ситуации могут быть призваны судейские. Если речь идет о ссуде или приобретении в кредит (это только наиболее важные случаи), то суд должен решить, каким образом может быть выплачен долг, имеющий – в силу договора – денежное выражение. В задачу суда, следовательно, входит вынести решение о том, что именно, в соответствии с намерениями сторон договора, должно быть использовано *в качестве денег* в рамках данной коммерческой сделки. С юридической точки зрения деньги есть не общее средство обмена, а общепризнанное средство платежа или исполнения кредитной сделки. Но деньги лишь потому стали средством платежа, что они представляют собой средство обмена. И только потому, что они являются средством обмена, закон также трактует их как средство исполнения обязательств, которые не были взяты в денежной форме, и буквальное исполнение которых по тем или иным причинам невозможно.

Тот факт, что закон трактует деньги только как средство погашения имеющихся обязательств, имеет важные следствия для юридической концепции денег. В действительности то, что закон считает деньгами, является не общим средством обмена, а установленным законом средством платежа. В задачи законодателя или юриста не входит определение экономико-теоретического понятия денег.

При установлении того, каким образом необходимо фактически погашать денежные долги, нет необходимости быть слишком разборчивыми. Общепринятой деловой практикой является предложение и принятие в качестве средства платежа тех или иных денежных заместителей вместо денег. Если закон отказывается признавать правомерность использования денежных заместителей, признанных коммерческой практикой, это лишь открывает возможности для мошенничества и обмана. Это было бы нарушением принципа *malitiis non est indulgendum*⁶⁴. Кроме того, при платежах небольших сумм в силу технических обстоятельств едва ли можно обойтись без использования разменной монеты. Даже приписывание покупательной способности банкнотам⁶⁵ не наносит ущерба кредиторам и другим получателям при условии, что бизнесмены считают эти ноты эквивалентными деньгам.

Однако государство может приписать способность погашать долговые обязательства и другим объектам. Закон может провозгласить средством платежа все, что ему заблагорассудится, и этим должны будут руководствоваться все суды и органы, принуждающие к соблюдению законодательства. Однако наделение статусом законного средства платежа неких объектов недостаточно для того, чтобы сделать их деньгами в экономическом смысле. Блага могут стать общим средством обмена только в процессе деятельности тех, кто принимает участие в коммерческих сделках. Лишь их оценки определяют обменные пропорции на рынке. Вполне возможно, что в ходе коммерческих сделок люди будут использовать именно те объекты, которым государство приписало статус средства платежа, но они *не обязаны* это делать. Если люди захотят, они могут отвергнуть эти объекты.

Если государство объявляет некий объект законным средством исполнения имеющихся обязательств, возможны три случая. Во-первых, узаконенное средство платежа может оказаться идентичным средству обмена, которое стороны имели в виду, заключая соответствующую

⁶⁴ Не следует потворствовать злоупотреблениям (лат.). – Прим. науч. ред.

⁶⁵ England 1833 (3 William IV c. 98), германский закон от 1.06.1909, ст. 9.

щее соглашение. Либо, не будучи идентичным, оно может все же иметь одинаковую ценность с этим узаконенным средством платежа в момент платежа. Например, государство может провозгласить золото узаконенным средством платежа по тем обязательствам, платежи по которым предусмотрены золотом, или, в то время когда ценность золота и серебра относится друг другу как 1 к 15½, оно может объявить, что обязательства в золоте могут быть исполнены посредством уплаты серебром в количествах, превышающих в 15½ раз количество золота. Такого рода установления представляют собой лишь юридическую формулировку предполагаемых намерений сторон. Они не ущемляют ни одной из сторон и экономически нейтральны⁶⁶.

Иная ситуация возникает, когда государство в качестве средства платежа провозглашает нечто, что имеет большую или меньшую ценность, чем то, что предусмотрено договором. Первый случай можно не принимать во внимание, однако второй случай, для которого имеется множество исторических прецедентов, весьма важен. С юридической точки зрения, основанной на фундаментальном принципе защиты законных прав, установление государством такой процедуры не может являться справедливым, хотя иногда может быть оправданно по социальным или налоговым соображениям. Однако это всегда означает не исполнение соответствующих обязательств, а их полное или частичное аннулирование. Если узаконенным средством платежа объявляются банкноты, которые в ходе коммерческого оборота принимаются за половину своего номинала, это по сути то же самое, что предоставить должникам возможность не платить половину их задолженности.

Узаконение государством средства платежа воздействует только на такие денежные обязательства, которые уже заключены к этому моменту. Однако коммерческая практика свободна в выборе между сохранением привычного средства обмена, с одной стороны, и созданием для своих нужд нового средства обмена – с другой. Если торговля принимает новое средство обмена, то в той мере, в какой это является законным правом сторон договора, торговля будет пытаться использовать это новое средство обмена также и в качестве стандарта отсроченных платежей. Цель этих попыток – лишить, по крайней мере на будущее, статуса стандартного то средство обмена, которому государство приписало способность погашать долги по номиналу. Когда в течение последнего десятилетия XIX столетия сторонники биметаллизма в Германии обрели такую власть, что возможность экспериментов по реализации инфляционистских предложений стала реальной, в долгосрочных контрактах начали появляться золотые оговорки⁶⁷. Длительный период медленного обесценения валюты имеет схожие последствия. Если государство не хочет сделать невозможными все кредитные операции, оно должно признать подобные инновации и дать судам инструкции уважать их. Аналогичным образом, если государство само входит на рынок регулярных сделок, продавая и покупая, гарантируя ссуды и осуществляя займы, производя платежи или получая их, оно должно признать деньгами признанное коммерческой практикой общее средство обмена. Юридический денежный стандарт, т. е. определенный класс объектов, наделенный государством свойством неограниченного средства платежа, в действительности будет применяться для исполнения обязательств только по уже имеющимся долгам, если коммерческая практика сама по себе не приведет к тому, что он будет использоваться и как общее средство обмена.

3. Воздействие государства на денежную систему

Роль государства в денежной сфере первоначально ограничивалось изготовлением монет. Поставлять слитки, в максимальной мере одинаковые по весу и чистоте, и снабжать их штампом, который было бы трудно подделать и который мог бы легко распознаваться всеми

⁶⁶ *Knies. Geld und Kredit. I. Bd. 2. Aufl. Berlin, 1885. S. 354 ff.*

⁶⁷ *{Helfferich. Das Geld. 2. Aufl. Leipzig, 1910. S. 320 ff., 336 ff.}*

как знак государственного чекана, всегда было и до сих пор остается главной задачей государства применительно к денежной системе. Начав с этой деятельности, государство постепенно расширяло свое присутствие в денежной сфере.

Прогресс технологии изготовления монет протекал медленно. Первоначально изображение, отпечатанное на монете, было всего лишь доказательством подлинности материала, в частности его чистоты, а вот вес монеты удостоверялся посредством взвешивания при каждом платеже (при современном состоянии исторического знания этот факт не может считаться точно установленным, и в любом случае развитие денежной системы в разных местах шло различным образом). Позже, когда различные виды монет обособились в однородные группы, монеты каждого отдельного вида стали обмениваться на монеты любого другого. Следующим этапом процесса распределения монет по группам стало появление параллельных стандартов. Это проявилось в форме сосуществования двух денежных систем, базировавшихся соответственно на золотых и серебряных товарных деньгах. Монеты каждой из этих систем образуют замкнутую группу. Их веса образовали определенные соотношения, и государство, придавая им статус узаконенного средства платежа, исходило из тех же пропорций, соглашаясь тем самым с коммерческой практикой, которая постепенно сложилась при использовании в обороте различных монет, изготовленных из одного и того же металла. Эта стадия была достигнута без существенного вмешательства государства. Все, что государство делало до этих пор, сводилось к предложению монет для использования в торговле. Действуя как контролер денежного обращения, оно поставляло удобные кусочки металла определенного веса и чистоты, ставило на них штамп, так что каждый мог без труда распознать содержание металла и место происхождения. Действуя как законодатель, государство придало этим монетам статус узаконенного платежного средства (важность этого действия была показана только что). Действуя как судья, государство применяло соответствующие положения законодательства. Однако этот процесс не остановился на данной стадии. В течение примерно последних двухсот лет степень государственного воздействия на денежную систему значительно увеличилась по сравнению с предшествующим этапом. Одно тем не менее должно быть совершенно ясно: даже сегодня государство не имеет непосредственной власти делать с деньгами, или, иными словами, с общим средством обмена, все, что ему заблагорассудится. Даже сегодня только те, кто фактически участвует в коммерческом обороте, могут превратить товар в общее средство обмена, хотя влияние государства на коммерческую практику, как потенциальное, так и фактическое, увеличилось. Оно увеличилось, во-первых, потому, что возросла собственная роль государства как экономического агента. Сегодня государство в большей мере, чем в предшествующие века, является покупателем и продавцом, нанимателем, выплачивающим зарплату, и получателем налоговых отчислений. В этом процессе нет ничего примечательного или нуждающегося в особом анализе. Очевидно, что влияние экономического агента на выбор денежного товара будет тем больше, чем больше его доля в рыночных сделках. Нет никаких причин полагать, что эта ситуация как-то изменяется только оттого, что здесь задействован какой-то определенный экономический агент, в данном случае – государство.

Однако помимо этого государство оказывает еще одно – специфическое – воздействие на выбор денежного товара. Это воздействие не связано ни с позицией государства на рынке, ни с его законодательными или судебными функциями. Это воздействие осуществляется государством в его роли официального контролера чеканки, дающей ему власть изменять характеристики денежных заместителей, выпускаемых в обращение.

Обычно воздействие государства на денежную систему приписывается полномочиям государства в сфере принятия законодательства и отправления правосудия. Предполагается, что закон, способный легитимно изменять содержание имеющихся долговых отношений и принуждать к исполнению новых договоров, касающихся задолженности, позволяет государству оказывать решающее воздействие на выбор коммерческого средства обмена.

Сегодня крайняя форма аргументации такого рода содержится в книге Кнаппа «Государственная теория денег»⁶⁸, однако ее придерживаются в той или иной мере большинство немецких авторов, например Гельферих. Данный автор, говоря о происхождении денег, справедливо сомневается в том, что для того, чтобы данный товар стал деньгами и сформировал стандарт отложенных платежей, требуется что-то помимо использования товара в качестве общего средства обмена. Однако он постоянно упоминает как нечто само собой разумеющееся тот факт, что в современной экономике в некоторых странах некоторые виды денег – и вся денежная система в других странах – являются деньгами и используются как общее средство обмена только потому, что в этих конкретных деньгах должны или могут осуществляться обязательные платежи и денежные обязательства⁶⁹.

С такого рода концепциями довольно трудно согласиться. Они упускают из виду важные последствия вмешательства государства в денежную сферу. Объявляя, что объект имеет юридическое значение при ликвидации обязательств, выраженных в деньгах, государство не в состоянии повлиять на выбор общего средства обмена, который определяется исключительно в процессе коммерческих сделок. История показывает, что те государства, которые хотели, чтобы их подданные приняли новую денежную систему, регулярно выбирали иные средства для достижения этой цели.

Во время преобладания старинных денежных систем законодательное установление пропорций списания обязательств использовалось как вспомогательная мера, применявшаяся только в связи с изменениями денежного стандарта, которые обеспечивались другими мерами. Положение, согласно которому налоги должны будут уплачиваться в деньгах новой разновидности и все другие денежные обязательства должны будут погашаться в новых деньгах, представляет собой *следствие* перехода на новый стандарт. Эти положения выполняются в действительности, только когда новая разновидность денег станет общим средством обмена, общепринятым в коммерческой практике. Денежная политика не может реализоваться только посредством законодательных мер, в частности только посредством изменения юридического определения содержания долговых договоров и изменений в системе государственных расходов. Денежная политика обязательно должна опираться на возможности государственной власти быть контролером чеканки денег и эмитентом требований на деньги, погашаемых при предъявлении, каковые требования могут играть роль денег в коммерческих сделках. Необходимые мероприятия должны быть не просто пассивной регистрацией в протоколах законодательных собраний и официальной печати, но – часто при значительных финансовых жертвах – они должны быть реализованы в действительности.

Страна, которая хочет убедить своих подданных перейти с одного стандарта, основанного на драгоценных металлах, на другой, не может ограничиться выражением этого своего намерения в соответствующих положениях гражданского и налогового права. Она должна сделать так, чтобы в коммерческой практике новые деньги заняли место старых. Это же верно и для перехода от кредитных или декретных денег к стандарту, основанному на товарных деньгах. Ни один государственный деятель, перед которым стояла подобная задача, ни минуты не сомневался на этот счет. Решающим шагом здесь является вовсе не юридическое изменение номинала задолженности и вовсе не установление порядка, при котором налоги должны уплачиваться в новых деньгах⁷⁰, но обеспечение достаточных количеств новых денег и изъятие из обращения старых.

⁶⁸ Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. 3. Aufl. München, 1921. S. 294. (Knapp. The State Theory of Money. London, 1924).

⁶⁹ См.: Helfferich. Das Geld. 6. Aufl. Leipzig, 1923. S. 294 (Helfferich. Money. London, 1927. P. 312).

⁷⁰ Нет никаких проблем в том, чтобы использовать здесь данное выражение, хотя обычно в этом контексте говорят только о бумажных деньгах.

Это теоретическое положение можно проиллюстрировать рядом исторических примеров. Во-первых, невозможность модификации денежной системы только посредством установлений государственной власти может быть проиллюстрирована неудачными попытками законодательно перейти к биметаллизму. Это были попытки разрешить сложную проблему слишком простыми средствами. В течение тысяч лет золото и серебро одновременно использовались как товарные деньги. Однако сохранение этой практики становилось все более накладным, поскольку параллельный стандарт, т. е. одновременное использование в качестве валюты этих двух разновидностей денег, имеет множество недостатков⁷¹. Поскольку от лиц, занятых своим частным бизнесом, не ожидалось никакой стихийной поддержки, государство решило вмешаться в надежде разрубить этот гордиев узел. Точно так же, как перед этим оно устранило некоторые очевидные затруднения, объявив, что долги в талерах могут быть погашены уплатой двойного количества монет в полталера или четырехкратного количества монет в четверть талера, государство установило фиксированное соотношение между двумя видами драгоценных металлов. Например, долги, уплачиваемые по договору серебром, могли уплачиваться путем передачи кредитору золота, вес которого в $15\frac{1}{2}$ раза меньше, чем установленный в договоре вес серебра. Считалось, что это решит проблему, хотя, как показали последующие события, в действительности это установление породило такие трудности, о которых никто не подозревал при его разработке и принятии. Последствия этого решения были ровно теми, которые закон Грэшема устанавливает для любых попыток законодательно уравнивать монеты разной ценности. Во всех долговых сделках и соответствующих платежах использовались только те деньги, ценность которых законодатель установил выше рыночной. В тех случаях, когда законодатель случайно устанавливал отношение на уровне рыночного, сложившегося к моменту принятия закона, проявление эффекта Грэшема откладывалось до очередного изменения цен на драгоценные металлы. Однако этот эффект всегда имел место в тех случаях, когда возникала разница между законодательно установленным и рыночным соотношением двух разновидностей денег. Таким образом, система параллельного стандарта не трансформировалась в двойной стандарт, как предполагалось законодателем, а превращалась в чередующийся стандарт⁷².

Первый итог такого развития событий состоял в необходимости выбрать, по крайней мере на короткое время, между двумя драгоценными металлами. Это было совершенно не то, к чему стремилось государство. Наоборот, государство совершенно не предполагало принимать решение в пользу того или иного металла, – оно надеялось сохранить в обращении и серебро, и золото. Однако попытка официального регулирования, в рамках которой при объявленной взаимной обратимости золота и серебра один из металлов был недооценен, привела лишь к дифференциации полезности этих металлов для целей денежного обращения. Последствия указанной дифференциации состояли в увеличении использования одного металла и в исчезновении из обращения другого. Законодательное и административное вмешательство государства в денежную сферу полностью провалилось. Было убедительно показано, что государство само по себе не может превратить товар в общее средство обмена (т. е. в деньги), что такое превращение могут обеспечить только общие действия всех индивидов, вовлеченных в обмен.

Однако то, что государство не могло достичь законодательными мерами, может, до некоторой степени, оказаться ему по силам, когда оно действует как контролер монетной чеканки. Именно в этом своем качестве оно вмешивалось во всех тех случаях, когда альтернативный стандарт заменялся постоянным монометаллизмом. Это происходило различными способами. Указанный переход был простым и легким, когда действия государства сводились к недопущению возврата к временно недооцененному металлу в один из чередующихся периодов монометаллизма, которые сменяют друг друга при альтернативном стандарте. Это достигалось отме-

⁷¹ {Подробнее см. ниже, с. 268–270.}

⁷² Этот стандарт известен также под названием «хромающей валюты». – *Прим. науч. ред.*

ной права свободной чеканки. Еще проще это было в тех странах, где тот или иной металл одерживал верх до того, как государство достигало стадии, необходимой для возникновения современной системы регулирования денежной сферы, так что законодателю оставалось лишь дать формальную санкцию фактически установившемуся порядку вещей.

Проблема оказывалась гораздо более сложной, когда государство пыталось принудить деловых людей к отказу от металла, который фактически использовался ими, и перейти на другой металл. В этом случае государство должно было произвести необходимое количество нового металла, обменять его на старую валюту и либо обратить полученный таким образом старый металл в разменную монету, либо продать его для использования в немонетарных целях или для перечеканки за границей. Реформа германской денежной системы, проведенная после образования Германской империи в 1871 г., может служить отличным примером перехода с одного товарного металлического стандарта на другой. Возникшие на этом пути трудности, которые были преодолены благодаря выплате Францией контрибуции, хорошо известны⁷³. Эти трудности были связаны с решением двух задач – обеспечением реформы золотом и необходимостью утилизации серебра. Только это и ничего больше составляло суть проблемы, подлежавшей решению, когда было принято решение о смене денежного стандарта. Германская империя осуществила переход на золото посредством предоставления золота и требований на золото в обмен на серебряные деньги и требования на серебро, имевшееся у ее граждан. Соответствующее изменение законодательства лишь оформило эту смену⁷⁴.

Точно таким же образом смена стандарта проводилась в Австро-Венгрии, России и других странах, реформировавших свои денежные системы в последующие годы. Реальные проблемы здесь также состояли в необходимости иметь достаточное количество золота и запуске его в обращение, с тем чтобы все участники делового оборота начали использовать золото вместо тех средств обмена, которые они использовали до этого. Этот процесс был существенно ускорен и, что является для него даже более важным, потребовал гораздо меньше золота для перемены стандарта, так как было разрешено, чтобы монеты, бывшие основой предшествующих декретных денег, а также кредитные деньги полностью или частично остались в обращении. Их экономическая природа претерпела при этом фундаментальное изменение, поскольку они трансформировались в требования с полной и постоянной обмениваемостью на новые деньги. Внешне это изменило сделки, суть которых осталась прежней. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что меры денежной политики в странах, применивших этот прием, состояли по преимуществу в обеспечении необходимых количеств металла.

Преувеличенная оценка властных полномочий государства при реализации денежной политики в части законодательных мер может иметь причиной только поверхностный анализ тех процессов, которые имели место в период перехода от товарных к кредитным деньгам. Обычно этот переход осуществляется посредством декларирования государством, что непогашаемые деньгами требования на деньги являются таким же средством платежа, как сами деньги. Как правило, смена стандарта и замена кредитными деньгами товарных денег не являются непосредственной целью такой декларации. В подавляющем большинстве случаев государство прибегало к этой мере, руководствуясь лишь фискальными целями. Создавая кредитные деньги, оно стремилось увеличить собственные ресурсы [металла]. При этом снижение покупательной способности денег вряд ли входило в намерения государства. Однако именно снижение ценности денег, вызывая эффект, описываемый законом Грэшема, приводило к смене денежного стандарта. Иное не соответствовало бы постоянным заверениям, что пла-

⁷³ Контрибуция в размере 3 млрд франков золотом, полученная Германией вследствие победы во франко-прусской войне 1870–1871 гг., послужила основой перехода к золотой марке; значительная часть этой суммы была предоставлена английскими банками в виде кредитов правительству Франции. – *Прим. науч. ред.*

⁷⁴ См.: *Helfferrich. Die Reform des deutschen Geldwesens nach der Gründung des Reiches. Leipzig, 1898. Bd. 1. S. 307 ff.; Lotz. Geschichte und Kritik des deutschen Bankgesetzes vom 14. März 1875. Leipzig, 1888. S. 137 ff.*

тежи наличными будут прекращены с момента перехода на кредитные деньги, что означало бы отмену погашаемости банкнот, – меру, целью которой был переход к кредитному стандарту. Этот результат всегда находился в противоречии с волей государственных органов, а не в соответствии с ней.

Только деловой оборот способен превратить товар в общее средство обмена. Деньги создает не государство, а общепринятая практика всех участников рыночных сделок. Следовательно, государственное регулирование в части применения общей власти государства ликвидировать долговые обязательства к определенному товару само по себе не способно превратить этот товар в деньги. Если государство создает кредитные деньги (и тем более декретные деньги), оно может сделать это, опираясь только на такие инструменты, которые уже используются в денежном обращении в качестве денежных заместителей, т. е. полностью обеспеченных и мгновенно погашаемых требований на деньги. Именно эти инструменты, фактически используемые как средства обмена, государство отделяет (в целях изменения их ценности) от их существенной характеристики – постоянной погашаемости деньгами. Коммерческая практика всегда была в состоянии защитить себя от любых других методов внедрения государственной кредитной валюты. Попытки запустить кредитные деньги в обращение никогда не были успешными, кроме тех случаев, когда соответствующие монеты или банкноты уже присутствовали в обороте в качестве денежных заместителей⁷⁵.

Таковы пределы, в которых возможно неизменно переоцениваемое воздействие государства на денежную систему. Пользуясь своим положением контролера чекана и используя свою власть изменять характеристики денежных заместителей, лишая их статуса требований на деньги, погашаемых по предъявлению, и, наконец, благодаря финансовым ресурсам, которые позволяют ему нести затраты, связанные с реформой денежного обращения, в определенных обстоятельствах государство может *постараться убедить* деловое сообщество отказаться от одной разновидности денег и перейти на другую. И это все, что в его силах.

---

⁷⁵ См.: Subercaseaux. Essai sur la nature du papier monnaie. Paris, 1909. P. 5 ff.

Глава 5

Деньги как экономическое благо

1. Деньги не являются ни производственным, ни потребительским благом

Обычно экономические блага делят на два класса в зависимости от того, удовлетворяют они потребности человека непосредственно или опосредованно. К первому классу относят потребительские блага, или блага первого порядка, ко второму – производственные блага, или блага более высоких порядков⁷⁶. Попытка поместить деньги в один из этих классов наталкивается на непреодолимые трудности. То, что деньги не являются потребительским благом, не нуждается в доказательстве ввиду очевидности. Но причислять их к производственным благам так же некорректно.

Разумеется, если допустить, что указанное разделение экономических благ на два класса является исчерпывающим, нам непременно придется отнести деньги к одному из них. Такова позиция большинства экономистов-теоретиков, и поскольку отнесение денег к потребительским благам невозможно, у них нет иного варианта, кроме как назвать деньги элементом класса производственных благ.

Эта совершенно произвольная процедура обычно аргументируется весьма бегло. Рошер, к примеру, считает, что достаточно упомянуть о том, что деньги являются «главным инструментом каждого перемещения благ из рук в руки» (*vornehmstes Werkzeug jeden Verkehrs*)⁷⁷.

Классифицируя блага, Книс в отличие от Рошера предусмотрел отдельное место для денег, заменив деление благ на два класса (потребительские и производственные блага) делением на три класса – средства производства, предметы потребления и средства обмена⁷⁸. Его аргументы (к сожалению, весьма скудные) едва ли заслуживают серьезного внимания и часто служат источником путаницы. Так, Гельферих пытался отвергнуть предположение Книса, согласно которому сделка купли-продажи сама по себе не является актом производства, но представляет собой акт межличностного перемещения. Гельферих указывает, что те же самые соображения могут быть применены к таким производственным объектам, как средства транспорта. Транспортировка сама по себе так же не является актом производства, представляя собой акт перемещения между различными местами, в ходе которого природа блага не изменяется, а изменяется только собственность на него⁷⁹.

Очевидно, что более глубокие проблемы затемняются в данном случае многозначностью немецкого слова «перемещение, передвижение» (*Verkehr*). С одной стороны, *Verkehr* означает то, что приблизительно может быть передано словом «торговля» (*commerce*), т. е. обмен благами и услугами, осуществляемый некими лицами. Но *Verkehr* означает также и перемещение в пространстве – людей, вещей и информации. Обе эти группы действий, не имеющие между собой ничего общего, в немецком языке передаются словом *Verkehr*. Поэтому нельзя согласиться с предложением различать эти значения при практическом словоупотреблении, говоря «*Verkehr* в широком смысле» (под ним понимается перемещение благ от одного лица, которое распоряжалось им до этого, в распоряжение другого лица), с одной стороны, и с другой –

⁷⁶ См.: Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien, 1923. S. 20 ff. (Menger K. Основания политической экономии // Menger K. Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего», 2005. С. 70 сл.); Wieser. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes. Wien, 1884. S. 42 ff.

⁷⁷ Roscher. System der Volkswirtschaft. Bearb. von Pöhlmann. 24. Aufl. Stuttgart, 1906. Bd. 1. S. 123.

⁷⁸ См.: Knies. Geld und Kredit. 2. Aufl. Berlin, 1885. Bd. 1. S. 20 ff.

⁷⁹ См.: Helfferich. Das Geld. 6. Aufl. Leipzig, 1923. S. 264 f. (Helfferich. Money. London, 1927. P. 280).

«*Verkehr* в более узком смысле» (понимая его как перемещение благ из одной точки пространства в другую)⁸⁰. Даже обыденная речь различает два разных значения этого слова, не считая их более широкой и более узкой версией одного и того же значения.

Терминологическая близость двух значений и связанная с этим путаница объясняются тем обстоятельством, что сделки по обмену крайне часто (хотя, безусловно, не всегда) реализуются путем транспортировки в пространстве, и наоборот⁸¹. Но, очевидно, не существует никаких причин для того, чтобы это лингвистическое сходство повлияло на то, как экономическая теория трактует два эти совершенно разных процесса.

Нет никаких оснований отказывать транспортным перевозкам людей и товаров, а также передаче информации, в том, что они образуют элемент производства, по крайней мере поскольку речь не идет только о потреблении (скажем, об увеселительных поездках). Два обстоятельства затемняют этот факт. Первое из них – широко распространенное заблуждение по поводу природы производства. Согласно наивному взгляду, производство состоит в физическом изготовлении ранее не существовавших вещей, являясь, в прямом смысле слова, их созданием. Стоя на этой точке зрения, довольно просто начать разделять созидательную деятельность по производству и простую перевозку товаров. Однако такой взгляд на производство, очевидно, является совершенно неадекватным. В действительности роль, выполняемая человеком при производстве благ, всегда состоит только в таком комбинировании его личных усилий с силами природы, которое приводит к задуманной организации материала. Никакое производственное действие не представляет собой ничего большего, чем изменение положения вещей в пространстве, притом что остальное довершают силы природы⁸².

Это позволяет опровергнуть первый аргумент, на основании которого транспортировку отказываются считать производственным процессом.

Второе возражение проистекает из недостаточно глубокого понимания природы экономического блага. Перечисляя различные его естественные свойства, часто упускают из виду, что положение, занимаемое вещью в пространстве, имеет важные последствия для ее способности удовлетворять человеческие потребности. Вещи, являющиеся полностью идентичными в технологическом отношении, должны рассматриваться как представители различных видов благ, если они не находятся в одном и том же месте и не являются одинаково готовыми к потреблению или производству. До сих пор положение блага в пространстве понимается только как фактор, определяющий, имеет это благо экономическую или неэкономическую природу. Едва ли можно игнорировать тот факт, что питье воды в пустыне и питье воды в горной местности с многочисленными источниками имеют совершенно разное значение для удовлетворения человеческой потребности, несмотря на химическую и физическую идентичность воды и ее одинаковую природную способность утолять жажду. Водой, которая может быстро утолить жажду путешественника в пустыне, является только та вода, которая немедленно доступна ему, готовая к употреблению.

Однако применительно к самой группе экономических благ фактор местоположения принимается во внимание только по отношению к отдельным видам благ, а именно таких, положение которых зафиксировано – человеком или природой. И даже среди этих последних

⁸⁰ Philippovich E. von. Grundriß der politischen Ökonomie. 1.—3. Aufl. Tübingen, 1907. II. Bd. 2. Teil; Wagner. Theoretische Sozialökonomik. Leipzig, 1909. Bd. 1. II. Abt. S.1.

⁸¹ Более старое значение слова *Verkehr*, по крайней мере первое, встречающееся в литературе, имеет отношение скорее к продаже товаров. Примечательно, что даже в словаре Гримма (см. т. 12, 1891 г.) не содержится упоминания о *Verkehr* в значении «транспортные перевозки». [Имеется в виду «Deutsche Wörterbuch» Якова Гримма, в котором дан исторический свод возникновения и изменения значений слов немецкого языка. Первый том этого словаря вышел в 1852 г., издание продолжалось до конца XIX в. — *Науч. ред.*]

⁸² См.: Mill. Principles of Political Economy. London 1867. P. 16 (*Милль Дж. С. Основы политической экономии*. М.: Эксмо, 2007. С. 127–128); Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. II. Abt. 3. Aufl. Innsbruck, 1909. S. 10 ff. (*Бём-Баверк О. Капитал и процент*. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 40.)

внимание экономиста-теоретика редко обращается к чему-то, отличному от наиболее тривиального случая, земли. Если же речь идет о движимых предметах, фактором местоположения обычно пренебрегают.

Трактовка перемещения в пространстве как элемента производства соответствует практике и технологии торговли. С помощью микроскопа невозможно найти никаких различий между двумя партиями свекловичного сахара, одна из которых лежит на складе в Праге, а другая в Лондоне. Но в контексте экономической теории эти две партии лучше считать благами разных видов. Строго говоря, благами первого порядка можно считать только те блага, которые уже находятся там, где будут потреблены. Все остальные экономические блага, даже если они в технологическом отношении подготовлены к потреблению, должны считаться благами более высоких порядков, которые должны быть преобразованы в блага первого порядка только путем комбинирования с дополняющим их благом – «средствами транспорта». Принимая во внимание все сказанное выше, средства транспорта, очевидно, должны считаться производственными благами. «Производство, – пишет Визер, – есть использование наиболее выигрышных из всех отдаленных условий благосостояния»⁸³. Здесь ничто не мешает нам понимать слово «отдаленный» в его буквальном значении, а не только фигурально.

Итак, перемещение в пространстве есть род производства. Тем самым средства транспорта, если они не используются в потребительских целях, как, например, прогулочные яхты и т. п., должны быть включены в группу производственных благ. Но верно ли это также для денег? Аналогичны ли услуги, доставляемые деньгами, услугам средств транспорта? Ни в малейшей степени. Производство вполне может вестись без денег. Деньги не нужны ни в изолированном домашнем хозяйстве, ни в социалистическом сообществе. И мы нигде не сможем обнаружить такого блага первого порядка, о котором можно сказать, что для процесса его производства требуются деньги.

Верно, что большинство экономистов-теоретиков считают деньги производственными благами. Тем не менее ссылка на авторитет не работает, – доказательство правильности теории связано с мышлением, а не с речательством. При всем уважении к старшим необходимо указать, что они не обосновали свою позицию по этому вопросу должным образом. В особенности примечателен пример Бём-Баверка. Как было сказано выше, Книс рекомендовал заметить общепринятую двухчастную классификацию экономических благ, с ее делением экономических благ на потребительские и производственные, трехчастной, в которой выделяются потребительские блага, средства производства и средства обмена. В общем и целом Бём-Баверк относится к Кнису с большим почтением и там, где он чувствует необходимость критиковать его, разбирает его аргументацию особенно тщательно. Но в данном случае он просто не обращает на нее внимания. Он решительно включает деньги в состав вводимого им понятия общественного капитала и походя определяет их как продукт, предназначенный для того, чтобы способствовать производству. Он бегло упоминает о возражении, согласно которому деньги представляют собой инструмент обмена, а не производства. Но вместо того, чтобы ответить на него, он начинает пространно критиковать доктрины, в соответствии с которыми запасы товаров, сосредоточенные у производителей и посредников, представляют собой блага, готовые к потреблению, а не промежуточную продукцию.

Аргументы Бём-Баверка определенно доказывают, что производство не завершено, пока товары не доставлены в то место, где на них есть спрос, и что неверно называть блага потребительскими, пока не завершен процесс финальной доставки транспортом. Но это не имеет отношения к обсуждаемому нами вопросу, – цепочка рассуждений Бём-Баверка ведет лишь

⁸³ Wieser. Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes. Wien, 1884. S. 47. См. также: Böhm-Bawerk. Op. cit. S. 131 f. (Бём-Баверк О. Цит. соч. С. 135–136); Clark. The Distribution of Wealth. New York, 1908. P. 11. (Кларк. Распределение богатства. М.: Экономика, 1992. С. 31.)

к упомянутой полемике. Доказав, что лошадь и повозка, с помощью которых крестьянин привозит к себе домой зерно и дрова, должны считаться средствами производства и капиталом, Бём-Баверк добавляет: «По логике вещей объекты и механизмы обширнейшего народнохозяйственного комплекса по „*доставке домой*“, т. е. сами изделия, подлежащие доставке, дороги, железные дороги и суда, а также коммерческое приспособление *деньги*, должны включаться в понятие капитала»⁸⁴.

Здесь Бём-Баверк осуществляет то же перескакивание, которое допустил Рошер. Он игнорирует отличие транспортного перемещения, состоящего в изменении полезности вещей, от обмена, который вообще представляет собой отдельную экономическую категорию. Неправоммерно уподоблять ту роль, которую играют в процессе производства деньги, той роли, которую выполняют суда и железные дороги. Деньги очевидно не относятся к «коммерческим приспособлениям», каковыми являются бухгалтерские книги, таблицы обменных курсов, фондовая биржа или кредитная система.

В свою очередь, аргументы Бём-Баверка не остались без ответа. Якоби возразил, что хотя Бём-Баверк и считает деньги и товарные запасы у производителей и посредников общественным капиталом, тем не менее он же разделяет взгляды, согласно которым общественный капитал является категорией чистой экономической теории, не зависящей от возможных юридических определений, тогда как деньги и «товарный» аспект потребительских благ присущи только «коммерческому» типу экономической организации⁸⁵.

Несостоятельность этой критики, в той ее части, которая касается возражений против включения товаров в состав производственных благ, продемонстрирована тем, что было сказано выше. Нет сомнений в том, что в данном случае прав Бём-Баверк, а не его критик. Но это не так в том, что касается второго пункта, вопроса о включении в состав этих благ денег. Надо признать, что определение капитала, которое дает Якоби, также не свободно от недостатков, и отказ Бём-Баверка признать его совершенно обоснован⁸⁶. Но сейчас нас интересует не эта проблема. Единственное место, вызывающее здесь нашу критику, касается понятия благ. Бём-Баверк и в этом вопросе выражает несогласие с Якоби. В третьем издании второго тома своего шедевра «Капитал и процент» он указывает, что даже сложная социалистическая экономическая система вряд ли сможет обойтись без единых ордеров или единообразных сертификатов, «подобных деньгам», выпущенных против продуктов, ожидающих распределения⁸⁷. Это замечание, имеющее частный характер, относится к обсуждаемой проблеме лишь опосредованно. Тем не менее было бы очень желательно исследовать приведенное выше мнение на предмет, не содержится ли в нем чего-то такого, что может быть полезным и для наших целей.

Любой тип экономической организации нуждается не только в системе производства, но и в системе распределения произведенного. {Последняя была бы излишней только в экономике Робинзона, – ее наличие является неперенным условием существования любого общественного хозяйства. Такой институт имеется и в нашем общественном строе, это – свободный обмен. В обществах, организованных по-другому, подобные институты, реализующие процессы распределения, выглядели бы иначе, но полное их отсутствие невозможно ни в какой мыслимой общественной формации.} Вряд ли можно сомневаться в том, что распределение благ между индивидуальными потребителями представляет собой элемент производства, и что, следовательно, в состав средств производства нужно включать не только физические

⁸⁴ Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. II. Abt. 3. Aufl. Innsbruck, 1909. S. 131 f. (Бём-Баверк. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 136.) См. также исторический экскурс в: Jacoby. Der Streit um den Kapitalbegriff. Jena, 1908. S. 90 ff.; Spiethoff. Die Lehre vom Kapital // Schmoller-Festschrift Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrhundert. Leipzig, 1908. Bd. 4. S. 26.

⁸⁵ См.: Jacoby. Op. cit. S. 59 f.

⁸⁶ Böhm-Bawerk. Op. cit. S. 125 n. (Бём-Баверк. Цит. соч. С. 130–131 сн.)

⁸⁷ Ibid. S. 132 n. (Там же. С. 136 сн.)

торговые объекты, такие как фондовые биржи, бухгалтерские книги, документы и т. п., но также все, что служит поддержанию правовой системы, которая обеспечивает юридические гарантии коммерции. Здесь имеются в виду заборы и загородки, стены, замки, сейфы, изгороди, оборудование судебных помещений и вообще все то, чем оснащены государственные органы, уполномоченные защищать собственность. В социалистическом обществе эта категория объектов может включать в себя среди прочего и «единообразные сертификаты», упомянутые Бём-Баверком. Об этих единообразных сертификатах, однако, нельзя сказать, что они «подобны деньгам». Так как деньги не являются сертификатами, то про эти сертификаты не будут говорить, что они подобны деньгам. Деньги всегда представляют собой экономическое благо. Называть требование, которым, в сущности, является сертификат, подобным деньгам, означает впасть в старинное заблуждение отождествления прав и деловых связей с благами. Для обоснования этого мы можем привлечь позицию самого Бём-Баверка⁸⁸.

Что не позволяет нам причислить деньги к этим «благам, обеспечивающим процесс распределения», и тем самым включить их в состав производственных благ? Ответ на этот вопрос (и одновременно на вопрос о включении денег в состав предметов потребления) следует из нижеприведенных соображений. Результатом уменьшения потребительских или производственных благ является утрата удовлетворенности, – человечество становится беднее. Результатом прироста количества таких благ является улучшение экономического положения людей, – прирост благ делает человечество богаче. Но этого нельзя сказать об уменьшении и об увеличении количества денег. Изменения доступных количеств производственных и потребительских благ, так же как и изменения количества денег, влекут за собой изменения ценностей. Однако в то время как изменения ценности производственных и потребительских благ не смягчают потери или уменьшения прироста удовлетворенности, проистекающих от изменения их (благ) количеств, то изменения ценности денег так изменяют спрос на них, что, несмотря на увеличение или уменьшение их [общего] количества, экономическое положение человечества остается неизменным. Увеличение количества денег может увеличить благосостояние членов общества не более, чем уменьшение этого количества может его уменьшить. В этом смысле о тех благах, которые используются как деньги, можно и вправду сказать словами Адама Смита – «мертвый капитал, который... не производит ничего»⁸⁹.

Мы показали, что при наличии определенных условий косвенный обмен есть феномен, с необходимостью присущий рынку. Положение вещей, при котором люди хотят иметь и приобретают блага посредством обмена не для своих собственных нужд, а только для того, чтобы располагать ими при последующих обменных сделках, всегда будет характерно для рыночных взаимодействий, потому что условия, делающие такое положение вещей неизбежным, характерны для подавляющего большинства обменных транзакций. Далее, развитие экономики косвенного обмена ведет к использованию общепризнанного средства обмена, к появлению и совершенствованию такого института, как деньги. Таким образом, деньги неотделимы от нашего экономического строя. Но, будучи экономическим благом, они не являются физическим элементом аппарата общественного распределения в том смысле, в каком им являются бухгалтерские книги, тюрьмы или пожарное оборудование. Никакая часть совокупного итога процесса производства физически не зависит от участия денег, хотя их использование является одной из основ, на которых базируется наш экономический строй.

Ценность производственных благ определяется тем, что производится с их помощью. Не так обстоит дело в случае денег, – ведь увеличение благосостояния членов общества никак не зависит от доступности дополнительных количеств денег. Законы, которыми определяется

⁸⁸ Böhm-Bawerk. Rechte und Verhältnisse. Innsbruck, 1881. S. 36 ff.

⁸⁹ Smith. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Basel, 1791. Vol. II. P. 77. (Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 330.)

ценность денег, отличны от законов, определяющих ценность производственных благ, и законов, определяющих ценность предметов потребления. То, что есть общего и у тех, и у других, сводится к фундаментальному закону экономической теории – закону ценности. Поэтому предложение Книса о разделении благ на три категории – средства производства, предметы потребления и средства обмена – является совершенно обоснованным. Ведь, помимо всего прочего, главной целью при разработке экономико-теоретической терминологии, является обеспечение процесса исследования в рамках теории ценности.

2. Деньги как элемент частного капитала

Интерес к проблеме соотношения между деньгами и производственными благами лежит не просто в сфере терминологии. В данном случае интерес представляет не конечный ответ, а то, как аргументация, используемая при его обосновании, одновременно проливает свет на особые свойства денег, отличающие их от других экономических благ. Эти специфические характеристики общепризнанного средства обмена будут исследованы более внимательно, когда мы начнем рассматривать законы, определяющие ценность денег и их разновидности.

Однако и итог наших рассуждений, а именно утверждение, согласно которому деньги не являются производственным благом, не является совершенно незначимым. Он поможет нам ответить на вопрос, являются деньги капиталом или нет. Этот вопрос, в свою очередь, сам по себе не представляет решения конечной проблемы, но позволяет прояснить вопрос о соотношении равновесной ставки процента и денежной ставки процента, обсуждаемый в третьей части настоящей книги. Если один вывод подтвердит другой, то с большой степенью обоснованности можно будет утверждать, что наша аргументация не привела нас к ошибке.

Первая трудность на пути любого исследования соотношения между деньгами и капиталом состоит в наличии многочисленных определений понятия капитала. Разногласия экономистов-теоретиков на этот счет более значительны, чем разногласия по любому другому вопросу. Ни одно из многочисленных определений, предлагавшихся до сих пор, не является общепризнанным – в действительности сегодняшние дискуссии по теории капитала ведутся даже более жестко, чем когда-либо ранее. Из огромного числа конфликтующих концепций мы выберем в качестве той, которой будем руководствоваться при изучении проблемы соотношения денег и капитала, концепцию Бём-Баверка. Для обоснования этого выбора достаточно указать, что теория Бём-Баверка служит наилучшей основой любой серьезной попытки исследовать проблему процента, даже если такое исследование в конце концов приведет (за что труд Бём-Баверка не несет никакой ответственности) к выводам, значительно отличающимся от тех, к которым пришел он сам. Далее, этот выбор подкрепляется всеми весомыми аргументами, которыми сам Бём-Баверк обосновывал свою концепцию и с помощью которых он защищал ее от критиков. Кроме того, решающей причиной является тот факт, что ни одна другая теория капитала не была доведена до такой степени ясности⁹⁰. Последний момент особенно важен. Целью данного обсуждения не является получение некоего решающего вывода касательно терминологии или критика обсуждаемых концепций. Мы стремимся прояснить здесь два момента, важных в контексте соотношения равновесной и денежной ставок процента. Поэтому корректность классификаций явлений для нас здесь имеет меньшее значение. Более важно не упустить неких неясных идей относительно их природы. Следует включать деньги в состав капитала или нет, – на это могут существовать разные точки зрения. В

---

⁹⁰ Это так, даже если мы примем во внимание материалы дискуссии между Менгером и Кларком. Более того, исследование и этой проблемы, и проблемы, которая обсуждается ниже, в главе 13 части 3 настоящей книги, где мы в качестве отправной точки используем концепцию капитала Менгера и Кларка, приводит к тем же результатам, к которым пришло исследование, опирающееся на определение Бём-Баверка.

значительной мере авторы концепций занимают ту или иную позицию по соображениям целесообразности или удобства, что легко порождает разногласия. Однако экономические функции денег – это такой вопрос, по которому достижение полного единства вполне возможно.

Из двух понятий капитала, которые различает Бём-Баверк, следуя традиционной экономико-теоретической терминологии, понятие частного, или приобретательского (*acquisitive*), капитала и старше, и шире. Именно оно является первоначальной и исходной концепцией, от которой позже отделилось более узкое понятие общественного, или производительного, капитала. Поэтому логично начать исследование с проблемы взаимоотношения частного капитала и денег.

Бём-Баверк определяет частный капитал как совокупность продуктов, служащих для приобретения благ⁹¹. Никто никогда не ставил под сомнение включение денег в эту совокупность. Да и сама разработка научной концепции капитала началась с представления о сумме денег, приносящих процент. Шаг за шагом это представление расширялось, пока не стало той концепцией, которая используется в сегодняшних научных дискуссиях, в целом совпадая с обыденным употреблением понятия «капитал».

В то же время постепенная эволюция понятия капитала сопровождалась ростом понимания функционирования денег как капитала. На заре истории обыденное сознание объясняло процент, который приносят деньги, отданные в качестве ссуды, тем, что эти деньги «работают». Но такое объяснение не могло долго оставаться удовлетворительным. Наука выдвинула против него тезис, согласно которому деньги сами по себе – бесплодны. Уже в античности точка зрения, которая позже воплотилась в чеканную римскую формулировку *pecunia pecuniam parere non potest*⁹², была общепризнанной. На ней в течение сотен или даже тысяч лет основывались все дискуссии о природе процента. Аристотель в своей «Политике» приводит соответствующее утверждение не как некую новую доктрину, а как всеми признаваемое общее место⁹³. Несмотря на тривиальный характер этого утверждения, тезис о бесплодности денег был весьма важным и необходимым шагом в процессе понимания природы капитала и процента. Если сумма денег, отданная в ссуду, приносит «плоды» и если этот феномен невозможно объяснить физической производительностью денег, необходимо искать ему другое объяснение.

Следующим шагом на этом пути было наблюдение, что после того, как денежная ссуда получена, заемщик, как правило, обменивает деньги на другие экономические блага. Значит, те владельцы денег, которые хотят получить прибыль от их использования, не отдавая их в ссуду, делают то же самое. Это наблюдение стало отправным пунктом для вышеупомянутого расширения определения понятия капитала и для перехода от денежной ставки процента к проблеме «естественной» ставки процента.

До того как был сделан следующий шаг, прошли столетия. Поначалу развитие теории капитала совершенно прекратилось. Строго говоря, дальнейший прогресс был никому не нужен. Того, что было известно и понято, было совершенно достаточно, – ведь задачей науки тогда считалось не исследование реальности, а оправдание идеалов. Между тем общественное мнение порицало взимание процента. И даже позже, когда взимание процента было признано в греческом и римском праве, он не уважался, и классические авторы стремились переубеждать друг друга в осуждении этого занятия. Когда [христианская] церковь запретила взимать процент, обосновывая этот запрет цитатами из Библии, это пресекло все попытки самостоятельных размышлений на данную тему. Каждый теоретик, интересовавшийся данным предметом, был обречен на то, чтобы трактовать взимание процента как вредное и неестественное

⁹¹ См.: Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. II. Abt. S. 54 f. (Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 75–76.)

⁹² Деньги не могут породить деньги (лат.). – Прим. науч. ред.

⁹³ Аристотель. Политика. I, 3, 23.

проявление жадности. Соответственно, авторы видели свою главную задачу в том, чтобы найти новые возражения против этой практики. Они стремились не выяснить, как возникает процент, а поддержать тезис о необходимости его запрета. В этих обстоятельствах авторам было легко некритически перенимать друг у друга доктрину бесплодности денег, которая служила убедительным аргументом против уплаты процента. Таким образом, – не в силу своего содержания, а из-за выводов, которые она позволяла обосновать, – доктрина бесплодности денег стала препятствием развития теории процента. Она перестала быть таким препятствием и стала помогать развитию новой теории капитала только после того, как была отброшена старая теория процента, основанная на догмах канонического права. Первым следствием нового положения вещей стала необходимость расширить понятие капитала и рассмотреть проблему в новом контексте. И в обыденной речи, и в построениях ученых капитал больше не сводится к «сумме денег, выданных в качестве ссуды», превратившись в «накопленный запас благ»⁹⁴.

Доктрина бесплодности денег важна для нас еще в одном отношении. Она проливает свет на деньги как на часть тех объектов, которые образуют частный капитал. Почему мы включаем деньги в состав капитала? Почему денежные суммы, данные в долг, возвращаются с процентами? Почему возможно такое использование денег, которое хотя и не связано со ссудными операциями, но тем не менее обеспечивает доходность? Ответы на эти вопросы не оставляют сомнений. Деньги являются инструментом приобретения, только когда они обмениваются на другое экономическое благо. В этом смысле деньги можно уподобить тем потребительским благам, которые образуют часть частного капитала лишь потому, что они не потребляются самим владельцем, а используются им для приобретения других товаров или услуг посредством обмена. Деньги являются частью приобретательского капитала не в большей мере, в какой ею являются эти потребительские блага. Реальный приобретательский капитал состоит из тех благ, которые обмениваются на деньги или упомянутые потребительские блага. Сами по себе деньги лежат «праздно», – деньги, не обмениваемые на другие блага, не являются элементом капитала, в этом смысле они не приносят плодов. Деньги являются элементом частного капитала индивида, только если и до тех пор, пока они входят в состав средств, с помощью которых упомянутый индивид может получить другие капитальные блага.

3. Деньги не есть часть общественного капитала

Под общественным, или производительным, капиталом Бём-Баверк понимает совокупность продуктов, предназначенных для использования в процессе производства⁹⁵. Если мы встанем на точку зрения, изложенную выше, согласно которой деньги не могут включаться в состав производственных благ, то они равным образом не могут включаться и в общественный капитал. Бём-Баверк, как и большинство предшествующих экономистов-теоретиков, действительно включает их в общественный капитал. Этот шаг логически следует из трактовки денег как производственного блага, причем такая трактовка служит единственным оправданием такого шага. Мы показали, что деньги не являются производственным благом, тем самым мы одновременно показали и то, насколько безосновательно это оправдание.

В любом случае, мы, пожалуй, можем допустить, что те авторы, которые включают деньги в производственные блага и на этом основании в капитальные блага, не вполне последовательны и логичны. Обычно они трактуют деньги как часть общественного капитала в том разделе своих теоретических систем, предметом которых является концепция денег и капи-

⁹⁴ См.: *Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. I. Abt. II. Aufl. S. 16 ff.; II. Abt. 3. Aufl. S. 23 ff. (Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 1 // Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009. С. 275; Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 51–52.)*

⁹⁵ *Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. II. Abt. 3. Aufl. S. 54, 130 ff. (Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. С. 75–76, 134–135.)*

тала, однако в этих разделах они избегают некоторых очевидных следствий из этой концепции. Наоборот, там, где логически должна быть реализована трактовка денег, согласно которой они есть часть общественного капитала, она внезапно забывается. При изложении факторов, определяющих ставку процента, эти авторы неоднократно подчеркивают, что не имеет значения, больше или меньше денег имеется в экономике, что, наоборот, имеет значение большее или меньшее количество других экономических благ. Но это утверждение, которое является совершенно верным заключением раздела экономической теории о проценте, просто невозможно сочетать с одновременным включением денег в состав производственных благ.

Глава 6

Враги денег

1. Деньги в социалистическом обществе

Выше было показано, что при определенных условиях, которые по мере углубления разделения труда и дифференциации потребностей возникают все чаще, косвенный обмен становится неизбежным. Было показано, далее, что в ходе эволюции косвенного обмена постепенно отбирается небольшое число определенных благ, или даже одного блага, которые используются в качестве общего средства обмена. Если не существует никакого обмена вообще и, следовательно, если не существует обмена косвенного, то в таком обществе использование общего средства обмена, естественно, остается неизвестным. Такова была ситуация, когда преобладающей экономической единицей было изолированное домашнее хозяйство. Однажды, согласно прозрениям социалистов, она станет такой опять, – когда, в один прекрасный день, воцарится чистый социалистический строй, при котором производство и распределение станут на систематической основе регулироваться органом централизованного планирования^{ 96}. Эта картина социалистического будущего никогда не описывается его пророками сколько-нибудь детально. Более того, разные пророки социализма рисуют разные картины будущего. Некоторые из них допускают в своих построениях, в определенных границах, обмен экономическими благами – товарами и услугами. Если речь идет об этих случаях, можно говорить о том, что использование денег остается возможным.

С другой стороны, сертификаты, или ордера, с помощью которых организованное общество будет распределять среди своих членов, не могут считаться деньгами. Пусть каждому работнику раздали квитанции на каждый из отработанных им часов. Предположим, что доход общества за вычетом того, что идет на обеспечение коллективных потребностей и содержания нетрудоспособных, распределяется пропорционально количеству квитанций, имеющихся у их держателей. Таким образом, каждая квитанция представляет собой требование на определенную часть общего количества распределяемых благ. Тогда важность квитанции, являющейся для индивида средством удовлетворения его потребностей (иными словами, ее ценность), будет изменяться пропорционально совокупному объему общественного дивиденда. Если при том же количестве часов труда доход общества в данном году окажется в половину меньше, чем в прошлом, то ценность каждой квитанции также понизится вдвое.

В случае денег дело обстоит иначе. Уменьшение реального дохода общества на 50 %, разумеется, повлечет за собой снижение покупательной способности денег. Но это снижение ценности денег никоим образом не будет пропорционально уменьшению совокупного дохода. Конечно, случайно может произойти так, что покупательная способность денег также уменьшится ровно вдвое, но это совершенно не обязательно. Это различие между деньгами и квитанциями социалистического общества имеет принципиальное значение.

Меновая ценность денег и меновая ценность квитанций, ордеров, сертификатов, варрантов и т. д. определяются совершенно по-разному. Титулы, подобные вышеназванным документам, вообще не являются самостоятельными объектами процесса оценивания. Если держатель титула совершенно уверен в том, что сертификат или ордер всегда будет отоварен немедленно по предъявлении, то ценность такого сертификата или ордера будет равна ценности тех това-

---

⁹⁶ {См.: Lotz, G. F. Knapps neue Geldtheorie // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XXX. Jahrgang. 1906. S. 1215 f.}

ров, на получение которых он выписан. Если такой полной уверенности с отовариванием, погашением, выдачей и т. д., нет, то ценность соответствующего титула будет ниже ценности товаров, на получение которых он выписан.

Если предположить, что система обмена может возникнуть даже в социалистическом обществе – т. е. если там будет иметь место не просто отоваривание трудовых сертификатов, а индивиды смогут обмениваться, например, предметами потребления, – то можно представить себе роль и место денег в общественной системе и этого типа. Скорее всего, в таком обществе деньги использовались бы не так часто и не так разнообразно, как при экономическом строе, в основе которого лежит частная собственность на средства производства. Однако и в такой разновидности социалистического общества использование денег подчинялось бы тем же фундаментальным принципам.

Эти соображения заставляют при конструировании воображаемого общественного строя занимать в отношении института денег совершенно определенную позицию – любая иная позиция оказывается внутренне противоречивой. Если в рамках подобной схемы свободный обмен товарами и услугами полностью исключен, то логическим следствием этого станет отсутствие необходимости в институте денег. Однако если разрешена хоть какая-то разновидность обмена, то, скорее всего, должен быть разрешен и косвенный обмен, осуществляемый с помощью общего средства обмена.

2. Денежные шарлатаны

Поверхностные критики капиталистической системы имеют обыкновение направлять свои атаки прежде всего на деньги. Они готовы допустить существование частной собственности на средства производства и, следовательно, принимая во внимание степень разделения труда современного общества, также и свободный обмен товарами. Они хотели бы только, чтобы этот обмен осуществлялся непосредственно, по крайней мере без использования для этих обменов некоего *общего* средства, а именно – без денег. Они считают использование денег вредоносным. Отменив деньги, они рассчитывают устранить все виды социального зла. Эта доктрина восходит к представлениям, которые становились чрезвычайно популярными в народе, всегда, когда степень использования денег росла.

Все процессы нашей экономической жизни являют себя в денежном обличье. Тот, кто мыслит поверхностно, видит только денежные феномены и остается в неведении относительно более глубоких взаимоотношений. Деньги полагаются причиной грабежей и убийств, жульничества и предательства. Деньги обвиняют в том, что проститутка продает свое тело, и в том, что подкупленный судья извращает закон. Это против денег выступает моралист, когда он призывает противостоять излишнему распространению материализма. Достаточно часто алчность зовут любовью к деньгам. Деньгам приписывают всевозможные виды зла⁹⁷.

То, что эти и подобные им концепции являются путанными и неопределенными, очевидно. Неясно, например, достаточно ли будет для преодоления всех зол, связанных с использованием денег, просто вернуться к прямому обмену, или необходимы еще какие-то дополнительные реформы. Творцы и преобразователи мира, разделяющие вышеуказанные воззрения, не чувствуют себя обязанными неотступно доводить свои идеи до их конечных следствий. Они предпочитают остановиться там, где реальные трудности только начинаются. Этим, между прочим, объясняется живучесть подобных доктрин – пока они остаются туманными, они неуязвимы для критики.

⁹⁷ Об истории этих воззрений см.: *Hildebrand. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft*. Frankfurt, 1848. S. 118 ff.; *Roscher. System der Volkswirtschaft*. Bearb. von Pöhlmann. 24. Aufl. Stuttgart, 1906. Bd. 1. S. 345 ff.; *Marx. Das Kapital*. 7. Aufl. Hamburg, 1914. I. Bd. S. 95 f. Anm. (*Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 141 сл. (сн.).)

Еще меньше серьезного внимания заслуживают те схемы социальных реформ, которые, не предполагая полного прекращения использования денег, возражают против золота и серебра. На самом деле в этой враждебности по отношению к благородным металлам есть что-то детское. Например, когда Томас Мор в своей «Утопии» снабжает преступников золотыми кандалами, а обычных граждан золотыми и серебряными ночными горшками⁹⁸, в этом есть что-то от того умонастроения, которым бывали охвачены первобытные люди, когда они наказывали неодушевленные образы и символы, изливая на них свой гнев или мстя им.

Вряд ли заслуживают даже упоминания разные фантастические предложения, которые никогда никем не воспринимались всерьез. Вся необходимая критика этих предложений прозвучала давным-давно⁹⁹. Нужно остановиться, однако, на одном моменте, который обычно ускользает от внимания.

Среди толпы заблуждающихся врагов денег имеется одна группа, которая сражается с помощью иного теоретического оружия, чем их коллеги по борьбе с деньгами. Эти враги денег черпают свои доводы из господствующей теории банковского дела. Они предлагают в качестве средства от всех болезней человечества «эластичную кредитную систему, автоматически адаптирующуюся к потребностям обращения». Для всех, кто знает о плачевном состоянии теории банковского дела, не был сюрпризом тот факт, что данные предложения не получили критической научной оценки, как не стала сюрпризом и неспособность банковской теории в ее нынешнем состоянии дать такую оценку. В результате предложения, подобные системе «социальной совместимости» Эрнеста Сольвэ¹⁰⁰, отвергаются исключительно по причине робости практиков, а не оттого, что было дано строгое доказательство слабости подобных схем (которое, надо сказать, так и не последовало). Все теоретики банковского дела, взгляды которых восходят к Туку и Фуллартону (а это почти все современные авторы), беспомощны перед теорией Сольвэ и других в этом роде. Они бы и хотели опровергнуть эти теории, поскольку их собственные ощущения и заслуживающие доверия оценки практиков заставляют их быть настороже при виде легкомысленных спекуляций реформаторов этого типа, но у них нет аргументов против системы, которая не обнаруживает при внимательном рассмотрении ничего, что не было бы последовательным развитием их собственных теорий.

Третья часть этой книги посвящена исключительно и только проблемам банковской системы. Там теория эластичного кредита подвергается детальному исследованию, по результатам которого, возможно, отпадет необходимость продолжать обсуждение доктрин этого сорта.

⁹⁸ См.: *Morus. Utopia*. Duetsch von Oettinger. Leipzig, 1846. S. 106 f. (*Мор. Утопия*. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 134.)

⁹⁹ См.: *Marx. Zur Kritik der politischen Ökonomie*. Hrsgb. Kautsky. Stuttgart, 1897. S. 70 ff. (см.: *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 67 сл.); *Knies. Geld und Kredit*. 2. Aufl. Berlin, 1885. Bd. I. S. 239 ff.; *Aucuy. Les systemes socialistes d'échange*. Paris, 1908. S. 114 ff.

¹⁰⁰ См. три меморандума, опубликованные Сольвэ в 1889 г. в Брюсселе под общим названием «*La monnaie et le Compte*», а также: *Solvey E. Gesellschaftlicher Comptabilismus*. Brussels, 1897. Теории Сольвэ содержат множество других фундаментальных ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.